

Александр Олеуфьев

Ведро на обочине

Повести и рассказы

16+

Александр Олсуфьев

Ведро на обочине

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Олсуфьев А.

Ведро на обочине / А. Олсуфьев — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Повести и рассказы о людях, попавших в сложные житейские ситуации в результате тех самых «перестроечных» процессов, после которых, оглядываясь по сторонам, даже если день ясный и солнечный, и видно далеко, не только удивляешься происходящему вокруг, но и разобраться не получается куда и зачем все движется, и что из всего этого может получиться в конце концов, как бы это ни втолковывали и ни разъясняли языком официальным, не допускающим возражений.

Содержание

Ведро на обочине	5
На перепутье	23
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ведро на обочине

Глафира Петровна, или как её все привыкли величать – Баба Глаша, крикнув от натуги, подняла с земли ведро, засыпанное доверху, с горкой, картошкой и, изогнувшись от тяжести, отнесла его к дороге, аккуратно поставила на обочине. Потом, нагнувшись, обвязала в несколько узлов вокруг ручки кусок прочной пеньковой веревки, а другой конец её привязала к железной петле, что торчала невдалеке из земли. Дернув несколько раз за веревку, и убедившись, что узлы держат крепко, баба Глаша выпрямилась, взглянула, сощурившись, в одну сторону, потом повернулась в другую и, поскольку солнце светило с этой стороны в лицо, прикрыла глаза ладонью, как козырьком, и посмотрела на дорогу.

Момент для проведения операции был выбран самый подходящий – на дороге не было ни одной души, точнее сказать, ни одного автомобиля ни в том, ни в другом направлении. Весьма редкое и даже непривычное состояние для одной из крупных и весьма оживленных автотрасс, соединяющей два больших города. Это надо было еще исхитриться, чтобы поймать такой момент, когда никто не ехал ни с той, ни с другой стороны, что, впрочем, продолжалось не так долго, потому что уже послышался нарастающий гул моторов, и из-за поворота вылетела целая вереница разноцветных автомобилей, которые не сбавляя скорости, прижимаясь к земле, пронеслись мимо, обдав бабу Глашу горячим, жирным от бензиновых испарений, воздухом.

Отвернувшись в сторону, она прикрыла нос концом платка и проводила их недовольным взглядом. Еще раз с некоторым сомнением осмотрела ведро, еще раз, для уверенности, дернула за веревку, проверяя крепко ли привязано ведро и, сложив пальцы в аккуратную щепотку, перекрестила горку картошки и, не оборачиваясь более, засеменила прочь по узкой тропинке к своему дому.

Дом её был первым на повороте. Был он очень похож на другие дома, выстроившиеся вдоль дороги, по обе её стороны. Одноэтажный, рубленый, с двускатной крышей, крытой потемневшим от времени шифером, над которым торчала кирпичная труба, по краям черная от копоти. Сбоку от дома была пристроена небольшая веранда с крыльцом в три ступеньки, огороженным с одной стороны покосившимися деревянными перильцами, отполированными до металлического блеска бесчисленным прикосновением натруженных ладоней. За домом виднелась неровная крыша сарая, а за сараем начинались уж огороды, которые спускались к речушке, чуть шире ручья, что, петляя в тени густого ракитника, несла свои воды через поля неизвестно куда. В общем, всё как в других дворах небольшой деревеньки под названием...

Впрочем, а не всё ли равно под каким названием стояла такая деревенька. Таких деревенек вдоль всевозможных трасс и дорог разной категории и назначения застыло бесчисленное множество. И тысячи людей, проносящихся мимо, даже не обращают на них внимания, а отслеживают лишь названия на щитах при въезде и то же название, но перечёркнутое наискосок, при выезде, чтобы знать сколько им еще осталось трястись по этим бесконечным дорогам и как давить на педаль газа, выдерживая установленную законом скорость и не провоцировать лишней раз всякие неприятности, связанные с полосатой палочкой. И представляется этим людям, что и не деревни это вовсе, а какие-то убогие, намалёванные кое-как декорации мелькают за окнами, и не живёт здесь никто, а все эти невысокие крыши в густых садах выставлены напоказ просто так, для того, чтобы лишь оживить пейзаж вдоль дорог.

Но иногда, особенно ближе к осени, на обочине начинают появляться наскоро сколоченные столики, на которых аккуратными кучками выкладываются огурцы или грибы, толстые кабачки, оранжевые тыквы, лесные ягоды в небольших баночках, букеты цветов или просто стоят ведра, наполненные доверху картошкой. И привлеченные этим скромным разнообразием, суетливые горожане притормаживают и рассматривают выставленный товар, не выходя при этом из автомобиля. Большинство быстро уезжают, ничего не купив, потому что сыты –

еды хватает в городских гастрономах. Но некоторые не спешат. Одуревшие от неподвижного сидения в душных салонах, потягиваясь и еле шевеля затёкшими ногами, вываливаются из своих автомобилей. Из раскрытых дверей выходят разные, очень часто забавные люди, вразвалочку подходят к выставленному товару и, нехотя, кривясь от неудовольствия, спрашивают, высокомерно щурясь на неизвестно откуда выскочившую навстречу бабку:

«А почём ... это?..»

Цена обычно не смущает – у горожан денежки водятся, но, всё равно, продолжают от чего-то недоверчиво смотреть, тычут пальцами, щупают, разглядывая на свет, как будто никогда в своей жизни не видели ни огурцов, ни картошки, ни помидоров, ни кабачков, ни яблок, ни груш... Иногда, всё же, покупают, чем весьма и весьма радуют удачливых торговцев, потому что, при тамошних крошечных заработках и пенсиях, эти денежки хорошее подспорье в делах домашних.

Вот и баба Глаша не брезговала выставить на продажу кое-что из того, что своими собственными руками выращивала на огороде. Сил пока, слава Богу, хватало, чтобы справляться с хозяйством, и земля щедро возвращала хорошие урожаи в ответ на заботу и усердный труд, так что и себе хватало, и излишки оставались.

А куда их девать излишки-то эти, если они никому не нужны? Не выбрасывать же, в самом деле, то, что было выращено с таким трудом. И, точно так же, как и в других дворах этой ли деревеньки, или какой другой, на обочине по осени и весной (если останется после зимы что-то) появлялось ведро, наполненное с горкой картошкой. И ничего в этом не было необычного, да вот только дом бабы Глаши был первым после поворота и поэтому для тех, кто въезжал в деревню, ведро её появлялось тоже первым. И может быть по этой причине, или по какой другой, но вёдра эти вдруг начали исчезать.

Началось всё это пару недель назад, когда она сидела на веранде и занималась чем-то, чем уж и вспомнить не может, как вдруг со стороны дороги послышался нарастающий гул мощного мотора, затем раздался визг и скрежет тормозов, потом мотор вновь зарычал, и всё стихло.

Баба Глаша, почувствовав неладное, отложила дела, оттолкнула обиженно мяукнувшего кота Барсика, который, изогнув спину, вился до этого у её ног, и поспешила спуститься с крыльца. Выйдя за калитку, она с упавшим сердцем увидела, что ведро на обочине исчезло, а дорога была пустой как в одну сторону, так и в другую. Не веря глазам своим, она подошла к тому месту, где перед обедом оставила ведро и посмотрела на землю. На песке ясно виднелся след от круглого дна, но самого ведра нигде не было видно.

– Это что ж такое делается? – выдохнула баба Глаша и, горестно покачивая головой, прикрыв ладонью рот, тихо запричитала. – Это как же?.. Это куда же?.. Украли, что ли?.. Да кому же она понадобилась, картошечка-то моя? И ведро... Ведро тоже утащили, окаянные. Ведро-то новое было. Ай-ай-ай, что делается, что делается?!

Да, баба Глаша была совершенно права – и ведро, и картошку, что называется «свистнули», причем самым примитивным и наглым образом: кто-то притормозил на повороте, схватил ведро с содержимым и укатил прочь. Вот и все дела.

А баба Глаша ещё несколько минут продолжала стоять и молча смотрела себе под ноги, не в силах поверить в происшедшее. Потом она подняла голову и увидела, что соседние вёдра остались стоять в целостности и сохранности, выстроившись как почётный караул у края дороги. Их-то никто не тронул. Ничего не произошло и с ведрами, выставленными на противоположной стороне, а исчезло лишь только её – единственное и неповторимое, красное с белой ручкой, объёмом в дюжину литров, купленное специально для этих целей, и выбирала она тогда в сельском магазине именно ведро яркое, чтобы видно его было издали.

И такое тяжелое, горестное чувство поднялось в душе бабы Глаши, что она не удержалась и пошла жаловаться к соседке, Анне Николаевне или как её ещё все называли – бабе Нюре, чьё ведро, однако, осталось стоять целёхонькое, и с кем баба Глаша не разговаривала уже почти

целую неделю, потому что до этого они опять сильно поспорили о том, как следует вести придорожную коммерцию.

Анна Николаевна придерживалась той агрессивной точки зрения, что нужно безжалостно обвешивать и обсчитывать обнаглевших горожан, у которых «... и так денег навалом и не обеднеют, если переплатят рубль-другой...», и к тому же они, эти горожане, совсем на голову сели – носятся по дорогам, как сумасшедшие, и, чтобы перейти на ту сторону, «...бывало минут по десять стоишь, стоишь, ждёшь пока все проедут. И то, головой надо крутить из стороны в сторону, как на карусели», – с жаром выступала баба Нюра. На что баба Глаша резонно отвечала, приводя свои доводы, указывая на то, что нужно вести именно честную торговлю: никого не обвешивать, никого не обманывать, быть терпеливым с покупателем, и тогда появится собственная клиентура – привычная и надёжная, которая позволит получать стабильный доход, что очень важно при такой крошечной пенсии, которую получали обе бабки.

Но баба Нюра не желала никого терпеть. Ей и председателя местного хватало выше головы с его поборами и нежеланием что-либо делать на собранные деньги. А тут ещё стада диких, одуревших от сытости горожан, а некоторые так и попросту зажавшиеся, что носятся, как угорелые, вперёд-назад, туда-сюда, так что голова болеть начинает, и самаритянская позиция бабы Глаши её возмутила и сильно разозлила. Такой честности непонятно перед кем, можно сказать граничащей с покорностью, она никак от неё не ожидала – поэтому и поругались.

Нужно заметить, что и Анна Николаевна, и баба Глаша были закадычными приятельницами и к тому же жили по соседству. И хотя обе со своим хозяйством справлялись самостоятельно – силы пока были, чтобы содержать в порядке и дом, и огород, и скотину, но если требовалась помощь по делу какому-нибудь или захворал кто-то из них, то, не стесняясь и не мешкая ни секунды, звали друг друга, как родные, потому что обе были вдовами и жили одиноко.

А вечерами, особенно осенью в слякотную, дождливую погоду, или зимой, когда за окном метель змеилась по пустынной, обледенелой дороге, любили ходить друг к другу в гости, накрывали на стол, «гоняли» чай, угощались заготовленным летом вареньем и пробовали разные наливки, и читали письма от детей, которых судьба раскидала кого куда, и кто в родной деревеньке уж не появлялся лет сто, а то и более того...

Но, когда наступала весна, и с разогретых под солнечными лучами склонов исчезал снег, дорога опять оживала, появлялись из-за поворота вереницы разноцветных автомобилей, и если с зимы оставались какие-нибудь излишки, то на обочине выставлялись ведра, наполненные доверху картошкой, и между бабками с новой силой разгорался спор по всё тому же принципиальному вопросу: стоит ли обсчитывать городских или нужно вести с ними, окаянными, честную торговлю.

Вот и сейчас баба Глаша поспешила к своей приятельнице, чтобы рассказать о случившемся.

– Да не может такого быть! – отказывалась верить рассказанному баба Нюра, встретившая вначале свою подругу несколько холодно. – Небось, спихнул кто с дороги – вот оно и скатилось в канаву. Ты глазами-то пошарь получше.

– Да шарила я! Шарила, – в отчаянии всплеснула руками баба Глаша. – Нет ничего: ни ведра, ни картошки. Даже маленькой картошины не осталось, – горестно качала головой баба Глаша.

Видя такое горе, баба Нюра заметно смягчилась.

– Ну ладно, ладно. Что так переживать-то из-за картошки. Не последняя, небось, в погребке была.

– Да что там! Последняя или нет – разве в этом дело! Как можно вот так взять и украсть? Как рука у кого-то поднялась?!

– Ага! – с победоносным видом выкрикнула баба Нюра и, выкинув вперед руку, чуть ли не ткнула своей подруге в глаз пальцем. – Теперь сама видишь, что из себя представляют эти городские. Что это за «фрукты» такие. Теперь понимаешь, как с ними нужно обходиться?!

В ответ баба Глаша молчала и, прижав край платка к губам, продолжала горестно качать головой. Возразить было нечего.

– Ну ладно. Не переживай ты так сильно, – баба Нюра совсем «оттаяла». И хотя разногласия по вопросу коммерции остались, но не до глупостей было сейчас. Разве не видно как человек переживает? И не просто человек, а, можно сказать, самый близкий человек, и баба Нюра принялась успокаивать свою подругу.

– Пойдем, посмотрим. Может, всё-таки скинули его в канаву. А если хочешь – возьми моё ведро и поставь на своё место.

– Не надо. Спасибо, – устало махнула рукой баба Глаша. – Есть у меня ещё картошка.

И они пошли к дороге искать исчезнувшее ведро. Нигде ничего, конечно же, не нашли. Не было ведра ни в канаве, ни на другой стороне дороги, как будто испарилось. Но ничего тут не поделаешь. Исчезло, так исчезло. Значит – так надо было, значит – так суждено было. Не убиваться же, в самом деле, из-за какого-то ведра, пусть и заполненного по самые края картошкой, и картошкой отменной, пусть и нового, эмалированного. Жизнь-то на этом не заканчивается.

В сарае подобрали другое ведро. Не такое яркое, как прежнее, но вполне достойное, чтобы можно было выставить его на обочине.

Два дня вели торговлю с новым ведром, а на третий исчезло и оно. Тут уж обе бабки не на шутку всполошились.

– А может в милицию заявить... – наивно предложила баба Глаша.

– Какую милицию?! Опомнись! – отчитала её Анна Николаевна. – Они тебя первую и посадят за то, что торговлю ведешь без разрешения и налоги не платишь.

– И то правда, – согласилась баба Глаша, тяжело вздохнув. – Что же тогда делать, а?

Баба Нюра растерянно отвела взгляд, не зная что и ответить.

Долго они в тот вечер сидели у самовара, пили чай и гадали о том, что можно такого сделать, чтобы помешать негодникам ведра воровать, как можно воспрепятствовать этим хулиганам и как самим при этом не пострадать. Думали-гадали и порешили связать два кирпича и привязать их к ведру.

– Теперь не унесут, – уверенно заявила баба Нюра, весьма довольная своей задумкой. Они поставили ведро на два кирпича, перевязанных толстой верёвкой, как на постамент. Отступив на пару шагов, полюбовались своей работой и пошли заниматься хозяйством.

А через день исчезло ведро с картошкой, веревка и оба кирпича.

И если бы с неба им на голову свалился мешок с деньгами или началось второе пришествие, или в соседнем доме-развалюхе вдруг, ни с того ни с сего, поселился премьер-министр, то это событие произвело бы на подруг меньшее впечатление, чем исчезновение второго ведра. Обе бабки стояли на обочине, растерянно смотрели себе под ноги, где когда-то стояло ведро, привязанное к кирпичам, разглядывали утопанный, мокрый песок, и вид у них был такой несчастный, как будто им только что вынесли смертный приговор.

– Нет, так, определённо, жить нельзя, – уверенно заявила баба Нюра и, повернувшись, тяжело ступая, опустив плечи, поплелась к себе в дом. Баба Глаша молча последовала за ней.

Почти всю ночь в двух окнах с угла в доме, где жила баба Нюра, горел свет, но что там происходило за опущенными занавесками, разобрать было невозможно. А на следующий день, за пару часов до рассвета, когда серый утренний свет немного разбавил ночную мглу, со стороны огородов по направлению к коровнику прошли, крадучись, две фигуры.

Следует отметить, что в колхозном коровнике давно уже из живых существ никто, кроме ворон, не жил. Да и те чувствовали себя не очень уютно под дырявой крышей среди прогнивших стропил, так что без конца орали друг на друга и дрались как заведенные.

Пробродив по тёмным развалинам с четверть часа, всё время посматривая себе под ноги и осторожно, чтобы не пораниться, переступая через многочисленные мусорные кучи, бабки, наконец, увидели под завалившейся стеной то, что так долго искали – кусок бетонной плиты с торчащим из неё металлическим прутом, загнутым петлёй. Кое как взгромоздили его на тележку, и с огромным трудом, охая и вздыхая, ругая на чем свет стоит окаянных хулиганов, что повадились таскать картошку у бедных, несчастных старух, дотащили плиту до дороги, где и зарыли напротив дома бабы Глаши, работая лопатами молча и сосредоточенно, словно копали клад.

В этот день баба Глаша вытащила из погреба ведро с картошкой, и, изогнувшись от тяжести, отнесла его к дороге и аккуратно поставила на обочине. Потом, нагнувшись, обвязала в несколько узлов вокруг ручки кусок прочной пеньковой веревки, а другой конец её привязала к железной петле, что торчала невдалеке из холмика только что накопанной земли.

Дернув несколько раз за веревку, и убедившись, что узлы держат крепко, баба Глаша выпрямилась, взглянула, прищурившись, в одну сторону, потом повернулась в другую и, прикрыв глаза ладонью, как козырьком, от слепящего солнца, посмотрела на дорогу. На дороге никого не было, но слышался нарастающий гул моторов и, спустя несколько минут, из-за поворота вылетела целая вереница разноцветных автомобилей. Словно соревнуясь друг с другом, они на большой скорости пронеслись мимо, обдав стоящую на обочине бабку горячим, жирным от бензиновых испарений, воздухом.

Баба Глаша проводила их недовольным взглядом, с некоторым сомнением ещё раз взглянула на привязанное ведро и, отвернувшись, быстро-быстро пошла к своему дому.

Войдя в калитку, она, однако, не поднялась на крыльцо, а сразу же свернула направо и скрылась за большим кустом шиповника, который рос у неё под окнами в палисаднике и разросся до таких размеров, что закрывал половину окна. Баба Глаша давно уж принаравливалась его вырезать, да только руки всё не доходили. И, как оказалось, правильно сделала, что оставила куст в целостности и сохранности, потому что сейчас, спрятавшись под его раскидистыми ветвями, она села на заранее приготовленную табуретку и, взяв в руки черенок от лопаты, принялась высматривать из засады картофельных воров.

Машины проносились мимо одна за другой. Ведро стояло на обочине, на самом виду, но никто на него не «клевал». Время медленно утекало минута за минутой, автомобиль за автомобилем. Над душистыми цветами деловито и монотонно гудели пчелы, привлеченные сладким ароматом шиповника. Солнце припекало, поднимаясь в безоблачном небе всё выше и выше. С большим трудом удерживаясь от того, чтобы не закрыть отяжелевшие веки и не вздремнуть с четверть часа, а то, может быть, и подольше, баба Глаша сидела с широко открытыми глазами, опасаясь даже моргнуть.

Горячие солнечные лучи скользили по ее лицу, дремота, как бархатная паутина, опутывала всё тело, и баба Глаша, расслабившись, выпустила из рук палку, которая, скатившись с колен, довольно больно ударила по ноге, что слегка привело её в чувство, и как раз вовремя, потому что в этот самый момент рядом с ведром остановился автомобиль.

«Жигули», – мысленно прокомментировала баба Глаша. – «Небогато...»

Дверь открылась, и из автомобиля вышла молодая женщина. Подойдя к ведру, она наклонилась и, поправив сползающие с носа большие, круглые очки, осторожно потрогала самую верхнюю картофелину.

«Не они...» – определила баба Глаша и, вздохнув, поднялась с табуретки.

– Простите! – выкрикнула молодая женщина, увидев выбирающуюся из-за куста бабу Глашу. – Это вы торгуете картошкой?

– Я, я, а то кто же ещё? – недовольно пробормотала себе под нос баба Глаша и, разминая затекшие ноги, вперевалочку пошла к потенциальному покупателю. – Мы торгуем, мы! – крикнула она в ответ уже голосом бодрым и приветливым.

– А почём ведро у вас будет?

Баба Глаша назвала цену. Женщина задумалась и, вновь нагнувшись к ведру, начала перебирать картофелину за картофелиной.

– Картошка хорошая. Выращена в собственном огороде. Никаких удобрений, лишь навозом подкармливала. Вся ровная – одна к одной, – обнадёжила её баба Глаша, а сама подумала:

«Ох, и худенькая ты. Бледненькая какая-то, как поганочка. Наверное, день-деньской в конторе за столом сидишь – света белого не видишь. И очёчки эти... страшненькие... что блюдца на носике твоём... На совенка похожа, какой из гнезда днем вывалился... Я б тебе и так отдала, милая, как пострадавшей от стихийного бедствия, да не могу – и деньги нужны самой, и цену сбивать нельзя, а то соседи мне «козью морду» состроят».

Но вслух, конечно же, ничего этого не сказала, а продолжала стоять рядом и молчать, чувствуя в глубине души, что покупатель верный – без товара не уйдёт.

Дело в том, что все, кто торговал картошкой на дороге в этой деревне и в других, также, не сговариваясь, придерживались, приблизительно, одной цены. Так что, тот, кто задумал купить, мог выбирать лишь понравившееся ему по цвету или форме ведро, или сорт картошки, конечно, если знал в этом толк и был в состоянии отличить по внешним признакам один вид от другого.

Перебрав почти все картофелины сверху, женщина, наконец, решила и, выпрямившись, коротко сказала:

– Берём.

Баба Глаша тут же нагнулась, ловко отвязала верёвку от ручки, без видимых усилий подняла ведро и пересыпала содержимое в пакет худенькой женщины. Та еле удержала сумку навесу. Кое-как дотащила картошку до машины, поставила себе в ноги, отдала деньги, и автомобиль укатил.

Баба Глаша с жалостью посмотрела им вслед.

«Эх, городские – сами не живут и другим покоя не дают», – вздохнула она и пошла к себе в погреб за новой порцией картошки.

Вновь ведро было выставлено на обочине и опять надёжно привязано к металлической петле. Автомобили безразлично пронеслись мимо. Баба Глаша вернулась к себе под куст и, сидя там, в тени, разглаживала натруженной, жесткой ладонью на колене только что полученные купюры. День начался удачно. Как там дальше пойдут дела – неизвестно, но эти деньги сейчас были весьма и весьма кстати, потому что крошечную пенсию, которую баба Глаша получала в районе, почему-то задержали на неделю. Говорят: деньги не поступили на какой-то там счёт.

«А куда они делись тогда?» – растеряно спрашивали друг у друга пенсионеры. Спрашивали и не знали что ответить. А что тут можно ответить – нет денег и всё!

На дороге послышался скрип тормозов, и напротив ведра остановилась большая, яркая машина.

«БеЭмВе», – констатировала Глафира Петровна со знанием дела и начала быстро выбирать из-под куста. – «Богатеи пожаловали... Наконец-то... А то всякая мелкота останавливается и денег у них нет, и что хотят тоже не знают. А у этих машина видная, хотя называется, будто козел блеет: бе-е-бе».

Дверь автомобиля распахнулась, и из глубины дорого салона на обочину вылезла, отдуваясь и потягиваясь, невысокая, полная женщина.

– Почем картошка? – властно спросила она, указывая пальцем на ведро.

Подоспевшая баба Глаша назвала цену. Она не сводила глаз с руки женщины, где на каждом толстом, как сосиска, пальце был одет либо золотой перстень с драгоценным камнем, либо золотое кольцо.

– Что так дорого? – возмущённо выпучила глаза женщина.

– Да где же дорого-то? – оправдываясь, забормотала баба Глаша. – Везде так. Да и картошечка отменная – одна к одной. Ароматная, аж дух захватывает. Рассыпчатая. Ее если отваришь или обжарить с маслицем или с салыцем, так и ничего больше не надо.

Она перевела взгляд с руки на шею капризной гражданки, где под вторым подбородком на груди лежало две толстых золотых цепочки сложного плетения.

– Не надо? Надо, надо! – самоуверенно хмыкнула та в ответ. – Одной картошкой сыт не будешь и к тому же дорого. Очень дорого! – продолжала наступать увешанная золотом тётка. В лучах яркого солнца золотые цепи сверкали и переливались полированными краями, притягивая к себе, как магнитом, взгляд бабы Глаши. – В магазине и то дешевле. Яша! – обратилась она к машине. Баба Глаша заметила, как под жесткими курчавыми волосами в ухе блеснула серьга с брильянтом. – Яша, здесь дорого. Здесь очень дорого. Едем дальше. Нам надо обязательно купить картошку. Мальчики просили картофельные оладьи.

Гражданка не оборачиваясь более ни разу, вихляя здоровенным задом из стороны в сторону, забралась внутрь автомобиля, сердито захлопнула за собой дверь, и, скрипя, шинами по придорожному гравию, машина укатила прочь. Баба Глаша осталась стоять рядом со своим ведром, растерянно смотря вслед удаляющемуся автомобилю.

– Как же дорого? – обиженно бормотала она. – Цена как у всех. И потом, на тебе золота, родная, больше чем стоит весь мой дом, и тебе опять дорого. Картошечка-то отборная. Ни в каком магазине такой не найдёшь.

Баба Глаша нагнулась и заботливо поправила лежащую сверху картофелину. Она посмотрела на свои руки – натруженные, жесткие, с сухой морщинистой кожей, с черными полосками земли, застрявшей под ногтями на узловатых пальцах, после того, как в погребке перекладывала картошку из мешка в ведро. Руки, не знавшие ни одного украшения, кроме тоненького обручального кольца, которое она с великим трудом сняла после смерти мужа, и теперь бережно хранила в маленькой коробочке в секретном месте, вместе с другим таким же кольцом, но размером чуть больше. Горько вздохнув, она стыдливо спрятала руки под передник и пошла к дому.

– Богатые, а злые, как нищие, даже хуже. Тьфу! – выдохнула баба Глаша. Шла она по тропинке, смотрела себе под ноги, а в голове один вопрос копошился, как червь, и выступал, словно на трибуне на собрании в районном доме культуры, и говорил почему-то голосом бабы Нюры:

– Что ж ты не удержала богатых покупателей, а? Тоже мне коммерсантка...

– А как их удержишь? Верёвкой, что ли, привяжешь? – оправдывалась сама перед собой баба Глаша.

– Ну, сказала бы им что-нибудь...

– А что? – шепотом спросила баба Глаша саму себя. – Молчишь? Сама не знаешь... У нее, вон, все руки в золоте и машина какая, как дворец. А я? Кто я?

На этот вопрос червячок ничего не ответил, но, только вильнув хвостом, уполз куда-то в темноту, а на его место снизу поднялось неприятное горькое чувство.

Никому никогда баба Глаша не жаловалась на свою судьбу. Никогда не жаловалась на то, что так трудно жилось и всё то, немногое, что имела, давалось ей в этой жизни с таким большим трудом. Что есть – то есть. Нечего Бога гневить пустыми жалобами, и не стоит попусту попрошайничать. Спасибо, что силы ещё есть самой со всем справляться.

– Но, все-таки, какие у этой тетки брильянты в ушах сверкали! – пискнул противным голосом из темноты зловредный червяк.

– Да, брильянты хороши... – уныло согласилась баба Глаша. – Эх... – она хотела добавить «мне бы такие», но вовремя осеклась и погнала противные мысли прочь, чтобы не расстроиться еще больше. Зачем сравнивать себя с такими, как эта тётка? От этого становится, почему-то, ужасно обидно и даже жалко себя.

– И это неправильно, – не очень уверенно прошептала баба Глаша, – потому что уныние – такой же тяжелый грех, как убийство. Прости, Господи, – баба Глаша перекрестилась. – Спасибо тебе Господи, за то, что позволяешь ещё ходить по этой земле, – и перекрестилась ещё раз.

Тем временем она добралась до своей табуретки, села под кустом, подперла голову кулаком и пригорюнилась. Бесплезная палка валялась у её ног. Пчелы продолжали жужжать над головой, перелетая с одного цветка на другой. Не любила баба Глаша в такие моменты оставаться один на один со своими мыслями. Вопросов поднималось много, а ответов на них не было.

И какие тут могут быть ответы на какие-то вопросы, когда всё, что есть, то оно вот – вокруг: вот – куст, здесь – дом, там – сарай, курятник, за ним – огород, речка, поля, леса, а над всем этим бездонное небо. Ничего другого нет.

– А что дальше? – прошептала баба Глаша. – Как жить-то дальше?

Обычно после этого вопроса, она вставала и шла к соседке, где обе отводили душу в бесконечных разговорах и спорах. Очень часто баба Нюра сама приходила сюда с плотно сжатыми губами и опущенными глазами и, поднявшись на крыльцо, непривычно робким для неё голосом спрашивала:

– Соседушка, а не попить ли нам чайку? – и тогда они разжигали старинный самовар, доставшийся бабе Глаше по наследству (самовар не сравнить с чайником, особенно электрическим), накрывали на стол, рассаживались, разливали крепко заваренный чаёк и ..., вроде как, отпускало, не так тяжело становилось на душе.

Вот и сейчас баба Глаша собралась уж встать со своей табуретки и пройти во двор к соседке, чтобы обсудить события сегодняшнего торгового дня, как вдруг напротив ведра, взвизгнув тормозами, со всего размаху остановилась какая-то машина, выкрашенная в чёрный цвет. Даже окна у этой машины были заклеены изнутри чем-то черным.

Дверь распахнулась, и из тёмного нутра вылезло на солнечный свет такое существо, что у бабы Глаши перехватило дыхание. Неприятные и тяжелые мысли в её голове разлетелись в один момент, словно сухие листья, подхваченные вихрем. Сердце в груди забило быстро, быстро. Настроение, почему-то, сразу улучшилось. Она потянулась, было, за палкой, но вовремя одумалась и затаилась под кустом, будто заяц, заметивший волка. Кот Барсик, сбежавший с веранды, не понимал истинной причины такого странного поведения хозяйки и, приняв все эти приседания и пригибания за какую-то новую игру, начал бродить вокруг, как заводной, яростно тереться и воодушевленно урчать, подобно старому холодильнику.

Существо то обликом напоминало человека, но в пропорциях своих значительно превосходило среднестатистического гражданина, и было метров двух роста (а то, может быть, и выше), с широченными плечами. Одето оно было в черную кожаную куртку и черные брюки, на плечах, почти без шеи, сидела маленькая, бритая наголо, птичья голова с узким, скошенным лбом, но за темными очками в половину лица глаз не было видно.

По-видимому, наличие на носу темных очков в автомобиле с окнами, заклеенными чёрной, светонепроницаемой пленкой, нисколько не мешало этому представителю рода человеческого ориентироваться в пространстве. А может быть, эти очки были частью какой-то униформы или служили опознавательным знаком – столкнувшись с дурью человеческой, гадать можно бесконечно долго и безрезультатно.

Нагнувшись, оно, или он, схватил своей ручищей ведро и, как пушинку, понес его к машине, но привязанная к бетонной плите веревка не позволила ему сделать и пары шагов. Не оборачиваясь, существо дернуло ведро посильнее, но веревка оказалась прочной и не порва-

лась. Не ожидавший такого сопротивления, он обернулся и тупо уставился на ведро. Затем, схватив свободной рукой веревку, рванул её на себя так, что узел не выдержал и лопнул.

Наблюдая за всеми этими манипуляциями, баба Глаша стояла под кустом на четвереньках и не знала что делать. А кот Барсик, довольный тем, что хозяйка наконец тоже встала на все четыре лапы, радостно вился вокруг и уже не урчал, а буквально хрипел от восторга.

«Что же делать?» – никак не могла решить баба Глаша. – «Кричать и отгонять вора? Страшно, ишь какой громила. Звать на помощь? Кто ж прибежит с таким детиной воевать – дураков нет, а Нюрка ушла на огород, не услышит. Продолжать прятаться? Опять, окаянный, ведро унесёт. Жалко ведро-то...»

Она собралась уж показаться из своего укрытия и выкрикнуть что-то грозное, наподобие: «Брось ведро, гад!», как вдруг из-за поворота выскочил, словно заяц, милицейский «Жигулёнок» и, сверкая красными и синими огоньками на крыше, оглашая окрестности противной, визгливой сиреной, напрямик рванул к черной машине.

– Кувалда, бросай свою картоху! Это за нами! – выкрикнул кто-то из автомобиля.

Громила среагировал мгновенно, видимо это была не первая его встреча с милицией, дважды повторять не надо было. Отшвырнув ведро в сторону, так что картошка разлетелась по всей дороге, он, согнувшись пополам, чуть ли не нырнул внутрь, и машина, сорвавшись с места, понеслась по дороге, а шустрый и бесстрашный «Жигуленок» погнался за ней следом, хрипя что-то злобное в громкоговоритель, но слов разобрать было не возможно, лишь интонация указывала на серьёзность намерений.

Проследив взглядом за удаляющимися на большой скорости машинами, баба Глаша наконец вылезла из под своего куста.

– Уйди, ты! – раздражённо отпихнула она ногой надоевшего кота. – Надо же, какие страсти у нас на дороге. Хи-хи. И в кино не надо ходить, – она была весьма довольна тем, что стала свидетелем такого необыкновенного представления. И не по телевизору это происходило в каком-то бесконечном сериале про криминал, а вот здесь, вживую, прямо перед её домом. Так здорово! Есть что Нюрке рассказать. Жаль, что её рядом не было.

– А вора-то я узнала, – задумчиво прошептала баба Глаша, отряхивая руки от налипшей земли, – это Петька-Кувалда, из района. Я с его матерью дояркой работала в колхозе. Надо же. Мать труженица, а этот... Паразит. Охламон. У старухи повадился картошку таскать. Что за люди пошли?! – недовольно покачала головой баба Глаша и пошла к дороге, собирать разбросанную картошку. Не всю, конечно, удалось найти, но и то хорошо, что ведро опять стояло на обочине.

Больше в этот день не «клевало». Пару раз останавливались напротив ведра бабы Нюры, проскакивая на полном ходу многострадальное ведро, привязанное к металлической петле, и один раз даже купили. Так что в этот день счёт между соседками был равный: один-один.

Баба Глаша выходила и к соседскому ведру, потому что между ними была договоренность – отпускать товар, если хозяйки не было поблизости. Баба Глаша получила деньги за картошку, а Нюрка так и не появилась до самого вечера – исчезла где-то на огородах.

Вечером баба Глаша пошла навестить соседку, а заодно и отдать деньги за проданную картошку. Устало опустившись на стул, она стянула с головы платок и, сложив руки на коленях, поведала о своих приключениях в этот день.

– Вот, паразит, вот, сволочь! – начала закипать баба Нюра, когда Глафира Петровна дошла до того места в своем рассказе, где Петька-Кувалда тащил за собой ведро. – А здорово мы придумали с плитой, правда? Ну, этот паразит у меня получит!.. – баба Нюра, хищно прищурившись, энергично затрясла указательным пальцем в направлении окна. – Я с его матерью на той неделе в райсовете виделась, а на днях поеду в район, найду её и всё расскажу. Пусть выпорот шельмеца. Да так выпорот, чтобы до зелёных соплей. Да пряжкой, пряжкой по заднице, чтобы визжал, как поросёнок, и после этого месяц чесался.

– Пусть, пусть, – не очень уверенно поддакивала баба Глаша, вспоминая размеры того громилы и как он одним рывком оборвал веревку.

– Надо бы нам это отметить, а? – баба Нюра заговорщицки подмигнула. – Как мы этого бандита вычислили! Что думаешь?

Баба Глаша грустно улыбнулась.

– Завтра. Давай завтра. Сегодня что-то притомилась, гоняясь за шпаной. Пойду, прилягу.

– Что-то ты плохо выглядишь, дорогая. Может, всё-таки останешься? – с беспокойством в голосе спросила баба Нюра.

– Нет, спасибо. Устала, – опять повторила баба Глаша и, опершись ладонью о стол, тяжело поднялась на ноги. – Ты не волнуйся. Всё хорошо. Пойду к себе, спать пораньше лягу. Не волнуйся...

Баба Нюра проводила подругу до калитки, заботливо поддерживая под руку, но, потом спохватившись, что забыла на плите под кастрюлей с борщом огонь выключить, чуть ли не бегом вернулась в дом.

А Баба Глаша, поднявшись по крыльцу, прошла к себе в комнату и, перекрестившись на иконы в углу напротив, устало легла на кровать и закрыла глаза. Из головы её не выходила одна сцена сегодняшнего дня. И не с Петькой-Кувалдой – тут всё ясно, как божий день: урод – он и есть урод, а сцена с той толстой теткой, обвешанной со всех сторон золотом и брильянтами.

«Богатые, а почему-то не купили? Что им помешало», – гадала баба Глаша, прокручивая в голове всё, что произошло между ними. – «Ей купить такое ведро картошки так же просто, как мне пальцем пошевелить, но, однако же, не купила. Уехала искать, где подешевле. Наивная. Здесь до самого района цены одинаковые. Значит, в другом месте купит, а могла бы и у меня купить, но не купила – это плохо.

Может быть, следовало что-то сказать, чтобы привлечь её внимание? Но что?

Конечно, нужно было что-то сказать, а то я стояла и молчала, как столб, и только тарасилась на её золото – это неправильно. Но что такого нужно было сказать – до сих пор не знаю. Какие-то заветные слова нужно знать, чтобы привлечь покупателя и не отпускать. А я не знаю... Совсем не знаю. Растерялась, глядя на её золото. И что мне сдалось её золото? Как будто кольнуло что-то в самое сердце. Будто в душу вцепилось. И слов-то я никаких не сказала.

Не знаю этих слов. Может, у кого спросить? У Нюрки? Да, та может закрутить, задурить голову и наговорит всякого-разного, но сомневаюсь, что знает те заветные слова.

У кого же тогда спросить? В деревне нашей, точно, никто не знает. В районе – совсем невероятно. Там одни гастрономы, а в магазине хочешь – покупай, а не хочешь – не покупай. Твоё дело и только. Нет, никто здесь этого не знает. Может в книжках где написано?»

Баба Глаша лежала еще несколько минут, но потом с кряхтением заставила себя подняться, нащупала под кроватью растоптанные тапочки и зашаркала ими по полу в направлении большого книжного шкафа, что стоял в том же углу, где образа висели. Прямо под иконами.

По дороге она прихватила со стола очки. Нацепив их на нос, открыла дверцу, покрытую тонкой резьбой, и повела пальцем по потертым корешкам старых книг, выставленных на всех полках и еще сложенных сверху.

– Не то. Не то. Опять, не то. Где же оно? – бормотала баба Глаша, спускаясь по полкам всё ниже и ниже. Наконец палец её замер напротив одной из них. – Ага! Вот она! – обрадовалась баба Глаша и сняла книгу с полки. Отнесла на стол. Зажгла в комнате свет поярче, поставила чайник на плиту и, накинув на плечи шерстяной плед, уселась за стол. Книга лежала перед ней.

– *Riflexions sur la gйомйtrie en gйинйral, de l'esprit gйомйтриque et de l'art de persuader. Blaise Pascal.* (Размышления о геометрии в общем, о сути геометрии и об искусстве убеждения. Блез Паскаль.) – прошептала баба Глаша, прочитав заглавие, прописанное золоченым тиснением на потертой обложке. – Так, давай-ка посмотрим, что люди пишут.

Она пододвинула книгу поближе и открыла на первой странице.

– Section I : De la méthode des démonstrations géométriques, c'est-à-dire méthodiques et parfaites géométriques, c'est-à-dire méthodiques et parfaits... Глава первая. О способе доказательства в геометрии... Так, не то. Не здесь, – баба Глаша пролиставала несколько страниц вперед. – Ага! Вот оно. Глава вторая. Об искусстве убеждения.

Section II : De l'art de persuader.

L'art de persuader a un rapport nécessaire a la manière dont les hommes consentent a ce qu'on leur propose, et aux conditions des choses qu'on veut faire croire... – слова другого языка зазвучали в её голове нежной и переливчатой мелодией, раскрывая смысл написанного несколько веков назад, но не потерявшего своего значения до сих пор, ввиду того, что род человеческий не претерпел никаких значительных изменений с тех давних пор. Во всяком случае, не в лучшую сторону.

– Итак ... – зашептала баба Глаша, водя пальцем по строкам. – «В искусстве убеждения необходимо знать: способ, каким кто убеждается и условия вещей, в которые хотят заставить поверить», – баба Глаша задумчиво подняла глаза и посмотрела на обложку – «... условия вещей, в которые хотят заставить поверить...» – не совсем понятно, но продолжим, – она опять склонилась над книгой, – «Всякому известно, что понятия входят в душу двумя путями, через две главные способности: разум и волю. Путь разума самый естественный, ибо нельзя соглашаться ни с чем, кроме истин доказанных».

– Правильно! – баба Глаша с победоносным видом ткнула пальцем в книгу. – Соглашаться нужно только с тем, что доказано, а не с пустыми словами. Но сколько этих слов выливают на бедного человека, особенно в наше время – можно и запутаться от всей этой болтовни. Тарахтят, тарахтят и по телевизору, и по радио, и когда друг с дружкой столкнутся... Так, что дальше?

«Но самый обычный, хотя и противный природе, есть путь воли. Все мы скорее увлекаемся не силою доказательств, а тем, что нам нравится. Но путь этот низкий, странный и вовсе не приличествует человеку; от того все его и отвергают».

– Не согласна, что все его отвергают. Скорее наоборот – все принимают, – баба Глаша подняла глаза и поправила сползшие на кончик носа очки. – Особенно нынешняя молодежь. Вот, Петьке понравилось у меня картошку воровать – он и таскал, совершенно не задумываясь ни о том, как это может выглядеть со стороны, что люди про это скажут, что я подумаю, в конце концов. Просто, захотелось картошки, и он взял себе, что стояло на дороге. Тьфу! – баба Глаша вспомнила, как выглядел её обидчик: маленькая, птичья голова, с низким скошенным лбом на огромных, как пень, плечищах. – Какое тут соотношение разума и воли. Там ни мозгов, ни воли, а лишь одни животные инстинкты. Тьфу, пакость какая!

Это, наверное, в те далекие времена этот путь отвергали, хотя ... тоже вряд ли. Человек всегда был склонен к лести и больше прислушивался к тому, что ему нравится, а не к критике. Критику редко кто принимает и понимает. Очень часто критику воспринимают как враждебные действия. Ну ладно, это мои измышления, а что Он пишет?

«Не говорю здесь об истинах божественных, которые и не должно подчинять искусству убеждения, ибо они бесконечно выше природы: один Бог может вложить их в душу и таким путём, какой Ему угоден. А Ему, как я знаю, угодно, чтобы истины эти истекали из сердца в разум, а не из разума в сердце, смиряя тем самым горделивую власть разума, который считает себя судьёю вещей, избираемых волею, и исцеляя эту немощную волю, растлеваемую нечистыми вожделениями. Отсюда происходит, что мы, рассуждая о предметах, говорим: «Надо их узнать, чтобы полюбить»; напротив, святые мужи, размышляя о предметах божественных, говорят: «Надобно возлюбить, чтобы познать». Истинна постигается только любовью, и это одно из самых полезных мнений, высказанных святыми мужами...»

– Правильно... – не очень уверенно сказала в полголоса баба Глаша и, покосившись в угол, перекрестилась. – Наверное, правильно. Вначале возлюбить, а потом понять... и возлю-

бив, затем простить то, что удалось узнать и понять. Не всем такое под силу. К тому же сложно для понимания простым, крестьянским разумом и к торговле картошкой, кажется, не имеет никакого отношения. Ладно, читаем дальше.

«Никаких сомнений в том, что Бог установил такой порядок вещей. Но люди извратили этот порядок, воздавая мирским вещам то, что следовало воздавать священным, ибо, на самом деле, мы только тому и верим, что нам нравится».

– Вот оно! – баба Глаша с победоносным видом откинулась на спинку стула. – «...мы только тому и верим, что нам нравится...». Та тётка, она только и верит тому, что ей нравится, а я, по-видимому, ей не приглянулась. Ни я, ни моя картоха. Хотя, что она знает про картошку? Про золото, может быть, осведомлена, а вот про местную картошку не знает ничего.

Баба Глаша вернулась к книге:

«Отсюда проистекает наше сопротивление принятию истин христианской религии, явно противоречащих нашим удовольствиям. «Говори нам о вещах приятных, и мы станем тебя слушать» – сказали иудеи Моисею; как будто удовольствия лежат в основе веры!»

– «Dites-nous des choses agréables et nous vous йcouterons», disaient les Juifs a Moïse» «... говори нам о вещах приятных...» – прошептала баба Глаша. – Juste. Tout a fait vrai. Rien ne change. (Верно. Всё верно. Ничто не меняется.)

– Ничто не меняется. Только хуже становится, – баба Глаша перешла на родной язык. – Нет пророка в родном отечестве и не будет. Люди и тогда ничего слушать не хотели, а сейчас и подавно, и сделали из этого настоящий культ. Попробуй, скажи кому-нибудь поперек – изведут потом. Сотрут в порошок, сгноят. Сколько хороших людей перевели на моём веку лишь потому, что те имели собственное мнение. Не счесть.

И что же я должна была сказать той тётке? – принялась рассуждать баба Глаша, вспомнив вихляющий толстый зад, забирающийся внутрь машины. – Я её видела-то первый раз в жизни. Откуда я могу знать, что ей нравится, а что нет. Я же не знала, что она картошку для оладий хотела купить. И не знала, что у нее дети имеются и эти отпрыски любят картофельные оладьи. Ничего такого не знала, а потому стояла и молчала как пень. Молчала по привычке, чтобы не сболтнуть лишнего. Привычка выработалась за долгие годы. Эх... – баба Глаша тяжело вздохнула и перевела взгляд на стену, рядом с иконами, где висело в рамках несколько старых фотографий, пожелтевших и потемневших от времени, на которых навечно замерли с серьезным видом усатые, представительные мужчины, одетые в длиннополые сюртуки, и строгого вида женщины в длинных до пола платьях, что вышли давным-давно из моды. – Вот и зря, что смолчала. А нужно было сказать хотя бы словцо. Как-то задержать её. Эх, учиться мне ещё коммерции и учиться. Ничего не знаю ни про торговлю, ни про людей, хоть, уж, и жизнь свою прожила.

Баба Глаша склонилась над книгой и снова повела пальцем по строчкам.

«Началом и побуждением действий разума служат естественные и всем известные истины, например: целое больше своей части, не говоря уже о многих частных аксиомах, одними принимаемых, а другими отвергаемых, которые, однако, если однажды приняты, то при всей своей неосновательности действуют на нас так же сильно, как и самые истинные».

Баба Глаша остановилась и с задумчивым видом откинулась на спинку стула.

– Если однажды приняты... – повторила она. – А что было принято? А ничего. Для неё существуют одни правила, для меня другие. Она живёт в городе, а я здесь. Что у неё в городе? Шум, гам-тарарам, а у меня тишина, чистый воздух. У меня экология. Значит... Значит нужно было сказать, что картоха у меня экологически чистая и как они там, по телевизору, щебечут. А какая же она у меня может быть, коли и посажена, и выращена собственными руками?

Да, но про это, про то, что химии в моей картохе нет, знаю только я, а гражданке той следовало это толковать, разъяснить.

Она зачем сюда приперлась на своём «БеЭмВе»? Показать мне, что ли, свои кольца? Да тьфу на них сто раз. Пропади они пропадом. Прости, Господи! – баба Глаша виновато посмотрела на образа. – Не нужно мне её золото, не нужны её брильянты, век бы их не видеть. Через них одни неприятности. К тому же приехала она сюда не показывать свои побрякушки, а за чистым воздухом, за свежими продуктами, за «экологией», как они по телевизору советуют делать. А раз по телевизору так говорят – значит, они знают, что здесь присутствует эта самая «экология», а у них, в городе-то ихнем, её отродясь не было.

И вот она аксиома, принимаемая многими: здесь хороший воздух, чистые продукты и здоровье. Причем, эта аксиома принимается таким количеством людей, что в выходной на ту сторону дороги нельзя перейти – всё едут и едут, едут и едут. Иногда останавливаются, и нужно было тогда не стоять и не пялиться на её цепи, а сказать:

«Дорогая гражданочка, картошка-то у меня самая чистая, самая отборная, выращена на земле, а не в парнике и удобрена самым экологически чистым коровьим навозом». Вот что надо было сказать! И тогда она ни куда бы не сбежала... Наверное...

Ух, и голова был этот Блез Паскаль. Ух, и молодец! Что он там дальше пишет?

Баба Глаша склонилась над книгой.

«Ceux de la volonte sont de certains d'sirs naturels et communs a tous les hommes, comme le d'sir d'etre heureux...»

«Началом и побуждением воли некоторые естественные и общие для всех людей желания, как, например, желание быть счастливым, которое никому не чуждо, не говоря уж о многих частных вещах, к которым каждый стремится потому, что они ему нравятся, и которые, хотя бы и губительные были для него, однако воспринимаются им как составляющие его истинное счастье...»

Но что касается до качества самих предметов убеждения, то они весьма различны между собою...»

– Интересно. Интересно. Общие для всех желания, например – счастье.

Баба Глаша сняла очки, и устало потёрла глаза.

– Счастье – оно разное бывает. Одному одно требуется, а другому это не подходит, ищет на свой вкус, но вот чувство голода – оно одно для всех, – печально прошептала баба Глаша. – Нравится оно или нет, но это чувство общее для всех. И когда в брюхе пусто – о счастье уже не мечтают. Так, что дальше пишут?

«Одни из них выводятся посредством необходимых следствий из всеобщих начал и уже принятых истин. В существовании таких предметов можно убедиться с определённой ясностью: когда указана их связь с принятыми началами, тогда убеждение следует само собою, и душе не возможно не принять их, коль скоро они вошли в состав уже принятых истин.»

Если другие предметы имеют тесную связь с объектами нашего удовольствия, то также принимаются без всякого сомнения. И в самом деле, как только представится душе, что какой-либо предмет может доставить ей высшее удовольствие, так она тотчас устремляется к нему с радостью».

– Вот она и устремилась к моему ведру с картошкой, чтобы, возвратившись домой, испечь своим мальчикам картофельных оладий. Разве это не счастье видеть, как твои детишки за обе щёки уплетают приготовленные собственными руками оладьи? Ещё какое счастье, – тихо прошептала баба Глаша и промокнула кончиком платка скатившуюся слезу, потом подняла глаза и долго смотрела на фотографию в аккуратной рамке, висящую чуть в стороне от остальных. На ней были изображены смеющиеся мальчик и девочка.

Баба Глаша встала из-за стола и, опираясь о край, обошла вокруг, приблизилась к фотографии и долго смотрела на радостные лица. Потом, дотронувшись легонько рукой до рамки, провела ладонью по дереву, будто погладила и, ссутулившись, шаркая стоптанными тапочками по полу, кутая плечи в шерстяной плед, пошла по комнате, бормоча себе под нос:

– А тут я вылезла из-под куста. Здрасьте вам! Чучело чучелом. Хорошо ещё, что дубину оставила там же. Конечно, не каждому понравится смотреть на такую оборванку. Была бы я одета поаккуратнее, а не в это рабочее старьё, так и разговор бы пошёл по-другому. Она для детишек своих старается, а у меня и ведро мягкое, и картошка с землицей, и я страшнее войны – конечно, не захочется покупать. Ну, разве такие грязные предметы могут помочь доставить удовольствие? Нет. И ни каких сомнений здесь быть не может. Она праздник хотела устроить, а нашла на обочине старое ведро с грязной картошкой, да ещё обвязанное пеньковой верёвкой – и не представилось её душе, что «это может доставить высшее удовольствие»..., а потому она развернулась, вильнула задом и укатила.

Кот Барсик, задрав хвост, словно верный телохранитель, ступая бесшумно, следовал за ней. Баба Глаша подошла к часам, что отстукивали уходящие неизвестно куда секунды, помахая на прощание им маятником, потянула цепь и подняла гирьки повыше, поправила пальцем минутную стрелку:

«Отстают «ходики». Надо бы к мастеру отнести часы», – подумала она. – «А где его сейчас найдешь, мастера-то этого? Кто сейчас умеет старинные часы ремонтировать? В районе у нас таких не осталось. Был один мастеровой – Порфирий Фёдорович, да год, уж, как помер. Пусть земля ему будет пухом. Золотые руки у него были. Всё умел делать. Помер и никого взамен не оставил. Ушёл без следа. В город везти их, что-ли? А куда? По какому адресу? Эх...» – баба Глаша с досады махнула рукой. – «Видимо помру под их хриплое тиканье или ... они раньше сломаются.

Что-то меня сегодня унылые мысли гложут – не к добру это. Ох, не к добру».

Баба Глаша подошла к окну и, отодвинув край занавески, выглянула наружу. В соседнем доме свет горел с угла в двух окнах.

– Что-то Нюрка не спит, тоже. Неймется, должно быть, как и мне. Пойду к ней, расскажу, что вычитала. Или ... нет. Нужно дочитать до конца, а то вопросы начнёт задавать. Что он там говорил про предметы, которые могут доставить удовольствие душе?

«...il est inévitable qu'elle ne s'y porte avec joie...» – кажется так: «... и она тотчас устремляется к нему с радостью».

– Мне бы сегодня одеться, следовало, поаккуратнее, порадостнее и всё бы получилось, но... – тут баба Глаша осеклась, задумалась и потом возмущённо в полный голос воскликнула:

– Да откуда я могла знать, что она, эта тётка, сегодня ко мне пожалует. Я её, вообще, не ждала. Я за ворами следила. Я Петьку-Кувалду ловила, а тут она раз! и явилась, – баба Глаша со злостью отодвинула стул и уселась читать дальше.

«Il paraît de la que, quoi que ce soit qu'on veuille persuader, il faut avoir йgard a la personne a qui on en veut...»

«Итак, в чём бы не вздумалось убеждать, всегда следует видеть, кого убеждают: необходимо знать его ум и сердце, правила, которыми он руководствуется, и предметы, которые он любит; наконец, о предлагаемой вещи надо знать, какое она имеет отношение к принятым началам или к предметам, которые почитаются желанными в силу приписываемых им прелестей. Поэтому искусство убеждения состоит как в искусстве быть приятным, так и в искусстве убеждать: до такой степени люди управляются более капризами, чем разумом!»

– «... управляются более капризами, чем разумом...» – задумчиво повторила баба Глаша. – Что верно – то верно. Вот захотелось ей испечь картофельных оладий, и она понеслась по дорогам, выискивая где картоха получше, где приглянется ей больше. А у нас вся картоха одинаковая вплоть до самого района, – баба Глаша не заметила, как начала говорить в полный голос.

Откинувшись на спинку стула, она смотрела на окно, но не ничего не видела, а представляла себе образ той гражданки с золотыми перстнями, с кучерявой головой, которая в её воображении, как рыба, всё время открывала свой рот, но слов сказать не могла, потому что баба

Глаша не позволяла ей сделать это. Подняв руку и указывая пальцем куда-то в пространство, она, распаясь все больше и больше, начала громко выступать, так что кот Барсик, удивлённо поглядывая на неё, соскочил на пол и, гордо вышагивая, на всякий случай пошел, от греха подальше, за печку.

– Тебе что картошка нужна вся помытая в золотом ведре? А нет такой здесь! У нас все ведра грязные да ржавые, и картошка в земле. А ей, видите ли, приспичило оладушек испечь. Так покупай у меня! Нет, уехала. Махнула хвостом и укатила. И то ей не так и это ей не эдак. Тьфу! Дорого, видите ли. Ишь, капризуля, какая! Да не дорого, не дорого. Так же, как у всех. Но нет. У неё, видите ли, каприз. Видите ли, и я ей не приглянулась, и картоха моя не понравилась. Ну и катись на здоровье! Да! Пошла, пошла! Жги свой дорожный бензин! – баба Глаша замахала руками, словно отгоняла надоедливую муху и такая злость её обуяла, что она чуть не поперхнулась, но, спохватившись, замолчала, вздохнула поглубже и так сидела какое-то время, надув щёки и выпучив глаза, прислушиваясь к биению сердца и сравнивая его с тиканьем старинных часов.

«Что это я так разошлась», – подумала она, успокоившись немного, – «так можно и мозгом тронуться, разговаривая сама с собой. Надо заканчивать эту практику. Ничего же на самом деле и не произошло. Ну не купила и ладно. Это её беда. Я-то с картошкой осталась. Но моя проблема в том, что не смогла её уговорить.

По ней же видно всё. Вся её жизнь на ней самой и нарисована, даже приглядываться не надо.

Золото-то это, не сама себе покупает, а муж, наверное. А коль покупает золото, значит, есть за что. Ну не за любовь, скорее всего: такое толстое чучело вряд ли может вызвать любовное чувство. Что когда-то было – прошло давным-давно, «... как с белых яблонь дым...». Страсть улеглась, чувство с годами исчезло, если оно, чувство-то это, вообще, когда-то было, но не расходятся, продолжают жить вместе. Значит, удерживает она мужика чем-то. А чем? Что-то общее у них должно остаться после любви-то. А что после любви остается? Только дети. Вот она и вьётся, чтобы угодить всем: и детишкам её, и мужику своему. А мужику своему можно угодить только через желудок. Поэтому и картошечки решила прикупить. Не золотом же кормить их».

Баба Глаша задумалась:

« А как всё просто, когда задним умом решаешь. Как говорится: знала бы где упаду – сломку постелила. Все мы крепки задним умом, а тогда, перед ней, стояла, как пень, и слова разумного не могла вымолвить, только на колечки её тарасилась. Эх, не умею я торговать. Не умею я быть приятной и услужливой с незнакомыми людьми. Учиться мне надо. Как говорится: учиться, учиться, и ещё раз учиться. А что там у него про это написано?»

Она опустила очки на нос и продолжила водить пальцем по пожелтевшим страницам.

«Or, de ces deux méthodes, l'une de convaincre, l'autre d'aggraver, je ne donnerai ici que les règles de la première ...»

«Про эти два способа, то есть способ убеждения и способ быть приятным, я сообщу правила только для первого, предположив, что начала, на которых они основаны, допускаются и обязательно принимаются: иначе я не знаю, можно ли посредством искусства согласовать доказательства с непостоянством наших капризов.

Способ быть приятным, безусловно, более трудный, тонкий, полезный и замечательный, и если я его не рассматриваю, то потому лишь, что не способен к этому, ибо этот труд считаю делом для меня совершенно невозможным, несоразмерным с моими силами...»

– Быть приятным – труд несоразмерный с моими силами, – шёпотом повторила баба Глаша. – Это про меня. Не умею я быть приятной с незнакомыми людьми. Никак не получается. И хотела бы, и знаю, что так надо, но... не получается. С друзьями и просто знакомыми – другое дело, а с человеком, которого первый раз вижу – не могу и не хочу. Закрываюсь, заслоняюсь от

него и ничего с собой поделаться не могу. Поэтому и слов нужных сегодня не смогла подобрать. Прямо напасть какая-то.

Нравится тебе моя картошка – бери, не нравится – уезжай. Что эта гражданка и сделала.

Не обладаю я даром красноречия и не умею я заискиваться перед незнакомыми людьми, не получается у меня угождать им.

А нужно этому учиться, нужно пробовать. Чтобы зарабатывать деньги, нужно пересилить себя.

Вот у Нюрки как всё здорово получается. Она кого угодно умеет заговорить. К незнакомому человеку обращается как к ребёнку и совсем не задумывается, станет ли от этого ему лучше или хуже. Говорит и говорит, говорит и говорит, как заводная. И картошка у неё не «картоха», а «картошечка»! Вся кругленькая, вся ровненькая, сразу с грядочки... особенно весной... И все вокруг милые и дорогие, лапочки и ласточки; и народ слушает и млеет, и тает, и покупают её «картошечку», а у самой глаза холодные остаются.

Не всех, правда, этим можно пронять, не все покупают, но таких меньшинство. Поэтому она меня и учит, а я – дура, сопротивляюсь.

Баба Глаша устало закрыла книгу, поднялась из-за стола и, подойдя к окну, выглянула наружу. У бабы Нюры в доме всё ещё горел свет.

– Не спит, Нюрка-то. Время позднее, а не спит. Пойду к ней, расскажу, что-ли, что вычитала. Опять будет ругаться, что не тем занимаюсь, что время впустую трачу на эту философию, а я, вот, не могу без неё, без философии-то этой. Она меня, как бы это сказать? Направляет, что-ли...

Баба Глаша, не просовывая руки в рукава, накинула на плечи телогрейку, сунула ноги в растоптанные, но такие удобные старые калоши, зажала под мышкой книжку и вышла за дверь. Кот Барсик кинулся, было, из-за печки следом, но не успел. Дверь захлопнулась перед самым его носом.

– Сиди там. Сторожи дом, – послышался строгий голос из-за двери. – Я скоро вернусь.

Тот терпеливый читатель, который сумел пересилить себя и, не бросив читать на полпути, дошёл до этого места, наверное, не переставал всё это время удивляться тому, что как это получается: у деревенской бабки, торгующей у дороги картошкой, полный шкаф старых книг по философии, да ещё и на французском языке.

Уж не ведьма ли она?

Вы хотите сказать, что знаете про ведьм увлекающихся философией? Для меня – что-то новенькое. Впрочем, вам виднее. Наверное, бывают такие, но в нашем случае всё гораздо проще и, как всегда это бывает, одновременно сложнее.

Дело в том, что баба Глаша, как все привыкли её называть в деревне этой, да и в районе также, а по паспорту Глафира Петровна Вышкова, происходила из старинного дворянского рода, жившего на этой земле испокон веков.

Но, так уж получилось, что во времена смутные и полные насилия, из всей её родни в живых остались лишь бабка и мать Глафиры Петровны, которых сослали на поселение в глухие и дикие районы на юге страны в надежде, что и они там сгинут, разрешив при этом из всех личных вещей взять только книги.

Какой логикой руководствовались тогдашние «начальники», отдавая такое распоряжение, останется тайной навсегда. Наверное, известный лозунг: «Учиться, учиться и, ещё раз, учиться» не давал им покоя своим таинственным смыслом и ассоциировался с горами книг, которые читать, однако, не очень хотелось – нужно было выбирать: либо читать и учиться, либо вершить судьбы. А как скучно читать, и как несравнимо веселее распорядиться чьей-то жизнью. Тут и выбирать-то не из чего.

Поэтому две женщины, насмерть перепуганные и уставшие от того насилия, которое, как смерч, раскручивалось вокруг них, были сосланы бог знает куда, вместе со своей библиотекой, чтобы не путались под ногами и не смущали, и не отвлекали от важных дел своими никчёмными книжками, а то, ещё чего доброго, заставят читать и учиться ...

И если оставили женщинам жизнь, то, следовательно, жизнь продолжается и нужно как-то жить дальше.

Чтобы не сойти с ума в той дикой глуши, они решили разговаривать друг с другом на французском языке, который знали не хуже русского, но, конечно же, только тогда, когда оставались наедине. А то подумают ещё, что затевают какую-то «контрреволюцию». Однако опасаться было нечего, потому что все вокруг них почти не говорили даже на русском, а отличить один язык от другого и вовсе не могли.

Эта языковая практика, как это ни странно, помогала выдержать все происходящее вокруг и даже вселяла крохотную надежду на то, что когда-нибудь весь этот кошмар наяву закончится, и они уедут туда... туда, где за выставленными на улицах столиками сидят люди и, спокойно беседуя, пьют кофе, а не кидаются друг на друга и не рвут глотку с остервенением голодных зверей.

Но этому не суждено было сбыться: бабка умерла в ссылке, а мать вышла замуж там же, за такого же поселенца. У них родилось трое детей: двое мальчиков и девочка, которую назвали Глафирой, Глашей.

Когда выбирали имя для девочки, то все, конечно же, долго спорили, настаивая на своём, но мать где-то вычитала, что Глафира – это особа умная и утончённая, которая любит делать вид, будто ее интересует в жизни только возвышенное и неземное, однако по натуре своей остаётся деловитой и умеет настоять на своём, и это матери очень понравилось. К тому же прабабку звали Глафирой.

А в доме так и продолжали разговаривать на французском и детей обучили этому языку. Но тут началась война, и в живых остались лишь сама Глафира Петровна и её мать, которым, в конце концов, разрешили вернуться, но в городе, однако, жить не позволили. Тогда обе женщины, не мудрствуя лукаво, уехали к себе в губернию, что нынче называется районом, и где раньше владели обширными землями.

От владений тех, конечно, ничего не осталось, но зато им позволили поселиться в этом маленьком домике у дороги. И книги переехали сюда же вместе с ними. (Куда ж без них?)

Глафира Петровна вышла замуж, и у неё родилось двое детей: девочка и мальчик, которых мать Глафиры Петровны, а теперь уже бабушка, сразу же взяла в оборот и принялась обучать французскому языку, и когда ребятишки пошли в школу, то вначале путались, отвечая на вопросы учителей то на русском, то на французском языке, но потом привыкли и оставили французский для дома, а русский для чужих.

Время шло, и в какой-то момент всё опять начало меняться, вот только в какую сторону?: в лучшую или худшую – никто не может решить до сих пор.

Дети повзрослели, и оставаться в рассыпающемся на глазах колхозе никто из них не захотел. Сын Глафиры Петровны записался в Иностранский Легион и с тех пор, вот уже почти три года, Глафира Петровна не получала от него ни единой весточки. Хотя, кто знает, может быть и писал, но на почте потеряли. Такая разруха кругом, что никому ни до кого нет дела. А дочь вышла замуж и уехала во Францию. Живёт под Парижем, в маленьком городке Le Man. Прошлым летом приезжала. Привезла с собой целый чемодан книг.

За зиму Глафира Петровна перечитала почти все из них и почти все отнесла на чердак, где сложила в большую коробку. Только две удостоились чести быть выставленными в старинном книжном шкафу. Не пишут нынче, как раньше писали – то ли не хотят, то ли не умеют, то ли не знают о чём писать следует, а может быть и пишут, но издают всякую ерунду, гоняясь

за лёгкими деньгами и следуя принципу, определённого ещё иудеями, когда они встретили Моисея:

«Говори нам о вещах приятных, и мы станем тебя слушать».

Дочь хотела забрать мать с собой, но баба Глаша отказалась уезжать.

– Пока силы есть, пока здоровье позволяет, останусь здесь, – сказала она, опустив глаза и сжав губы в упрямую жёсткую линию. – Да и на кого я Нюрку-то здесь оставлю? У неё же никого из родных нет. Дети неизвестно где. Пишут редко. Увянет одна. Не могу я уехать.

Баба Нюра с замиранием сердца наблюдала за этой сценой из окна своего дома, но на улицу не выходила.

– И потом, у меня куры, огород, хозяйство, – продолжила выставлять свои аргументы баба Глаша. – Неужели всё так одним разом бросить, чтобы пропало? Я так не могу. Я такому поведению не обучена. К тому же мы с Нюркой договорились в складчину кабанчика взять. Мясо будет, сало...

Оно, конечно, там лучше. Почище будет, поспокойнее, – согласилась она с тем, что дочь рассказывала, но тут же возразила:

– Но что я там буду делать? Сидеть целый день в кафе? Смотреть на толпу? Это хорошо в первый день. А потом? Засну там, на солнцепёке, вечным сном – этим всё и закончится. Там всё для меня чужое.

А как говорится:

«Ce qui n'a de rapport ni a nos cŕiances ni a nos plaisirs, nous est importun, faux et absolument йtranger...»

(Что не имеет никакого отношения ни к нашим верованиям, ни к нашим удовольствиям, кажется нам несносным, ложным и совершенно чуждым...)

Дочь попыталась возразить, но баба Глаша выставила последний аргумент, против которого все остальные доводы были бессильны:

– Дочка, милая, мне там не с кем будет воевать. Там не с кем бороться. Там всё сделано. А здесь... – баба Глаша обвела рукой и лес, и речку, и дорогу. – Куда ни посмотри, куда взгляди ни кинь – всюду дело найдётся. Тут поле не паханное. *A la guerre comme a la guerre, ma chere.* (На войне, как на войне, моя дорогая.) Сама знаешь – в нашем роду давно уже выработалась привычка биться до последнего. А там я умру ... от скуки. Так что, пока силы есть – я здесь повоюю, а ты меня не забывай.

Дочь вздохнула и не стала настаивать – не переубедишь. Пока что... И баба Глаша осталась.

А вечером все собрались на прощальный ужин. Обязательно была приглашена и баба Нюра, Анна Николаевна Трынкина, в девичестве Рогозина. А имения Рогозиных и Вышковых всегда располагались по соседству.

Пили чай с вареньем, ели пироги, пробовали наливочки Анны Николаевны, шутили, смеялись, рассматривали старые фотографии, грустили и, даже, немного всплакнули. В окнах маленького домика, первого на повороте, свет горел до самого утра.

Пока дочь гостила у бабы Глаши, ведро на дорогу не выставлялось. Не до коммерции было – других дел хватало. Но дочь уехала и одним прекрасным, солнечным утром на обочине, напротив старенького домика, стоявшего первым, как въезжать в деревню из-за поворота, появилось ведро, засыпанное доверху, с горкой, картошкой. И таких вёдер по этой стороне дороги стояло несколько штук, напротив каждого из домов, но только одно из них было привязано пеньковой верёвкой к металлической петле, торчащей невдалеке из земли.

(Имена персонажей вымышленные, любое совпадение с реальными людьми – случайность.)

На перепутье

«И откуда они такие берутся? И где их гнездо? Откуда выползают-то? Эх, разузнать бы... А гнездо должно быть где-то... Это же не мутации какие-нибудь, это закономерный процесс воспроизводства какого-то вида или подвида человеческого существа. Если бы это были мутации, то внешние условия должны были бы измениться, чтобы вызвать подобные изменения в организме и привести к появлению подобных существ... Ан, нет, ничего вроде бы не меняется: и солнышко по-прежнему светит, и ветерок шелестит листвой, и небо голубое, и грибники, вон, корзины полные волокут... Все, кажется, по-старому, как и раньше было, но эти-то откуда-то взялись? Значит, у них либо нора имеется, либо где-то гнездо свили – другого объяснения пока нет», – размышлял Андрей, провожая взглядом проносящиеся за окном поля, перелески, холмы, деревни утопающие в сочной зелени. В густой листве иногда мелькали жёлтые пряди, словно ранняя седина, ненавязчиво указывая на то, что лето заканчивается и скоро наступит осень.

Конец августа – славная пора: уже не так жарко, как было в июле, но дни всё ещё наполнены солнечным блеском, а вечера стали прохладны и воздух прозрачен, ночное небо сереет от бесчисленных звёзд, в полях опускается густой туман и по утрам в лучах восходящего солнца на каждой травинке сверкают, будто брильянты, капельки росы.

В этот день Андрей встал пораньше, хотя спать хотелось немилосердно, так что голова болела. Тупая, ноющая боль упрямо точила висок, но, переселив себя, он покидал вещи в рюкзак, подхватил пакет с продуктами и поехал на вокзал.

С начала лета он не был у своих на даче. Родители его поселились там с самой ранней весны и каждый выходной с нетерпением ждали его приезда, но дела последних дней не позволяли расслабиться ни на минуту, держали в жестком напряжении, выматывая бесцельной суетой, и сейчас воспоминания об этом висели над душой, как тяжёлая, грозовая туча, за которой не видно ни солнца, ни неба, а вокруг свет редет, и кажется, что либо неожиданно ночь наступает, либо конец света приближается...

Андрей смотрел в окно на проплывающие мимо полустанки, на заборы, неровной змейкой вытянувшиеся вдоль насыпи, на треугольные крыши, крытые старым, почерневшим шифером, на кирпичные трубы, на палисадники с охапками ярких цветов, на покосившиеся веранды, выглядывающие из яблоневых садов, где деревья под тяжестью плодов склонили ветви к самой земле.

«Однако, как много в этом году яблок», – меланхолично думал Андрей. – «Опять выбрасывать придётся. А жалко. Яблочки-то – одно к одному, сочные и ароматные, не магазинные – те и не пахнут ничем, лишь вид имеют привлекательный. Но спрашивается: куда их девать в таком количестве? Сами не съедим, а у соседей своих будет столько, что хоть беги...»

Поезд мчался дальше, постукивая колёсами на стыках рельс.

«Откуда они берутся?» – вернулся к своим невесёлым мыслям Андрей, провожая взглядом высокие, в рост человека, глухие заборы, за которыми скрывались двух, а иногда и трёх этажные кирпичные дома сложной архитектуры, что как грибы выскакивали в самых неожиданных местах. То прямо посередине посёлка, то где-нибудь по склону холма, то вдоль берега реки. Особенно им нравились берега – бывало, так сгрудятся, что и самой реки не видно, а уж о том, чтобы пройти человеку со стороны – об этом и речи нет. К воде все тянутся: и зверье идет на водопой, и человек забредает сюда в знойный день освежиться, и дома сползают на берег также вслед за своими хозяевами.

Было очевидно – владельцы этой недвижимости достигли такого финансового благополучия, что могли позволить себе отделиться, спрятавшись за забором, от суетного мира людей простых, но на этом всё и закончилось, потому что уйти совсем куда-нибудь в отдельные

поселения у них либо не получалось, либо они чего-то опасались. Совершенно ясно, что не одиночества. Но, по-видимому, окончательно порвать связь с толпой они почему-то не решились. Скорее всего, сделать это не позволял инстинкт самосохранения, который тысячелетиями приучал держаться как можно ближе к основному стаду, в стае, с косяком идти... Когда вокруг мелюзга всякая кружится, то у крупного хищника глаза разбегаются – не знает на кого кинуться, теряет драгоценные секунды, а этого иногда бывает достаточно, чтобы уплыть, убежать, ускакать, упорхнуть подальше.

Солнце бодро карабкалось по небосклону, голубому и ясному, без единого облачка, будто его тщательно вымыли и протёрли насухо. С ночи под деревьями в низинах всё еще лежал слоями лёгкий туман. Денёк обещал быть тёплым. Однако всё это великолепие не трогало Андрея, скользило по поверхности, отскакивая, как от брони, от ожесточения, которое, словно огромный жук, ползало в его душе. Он сидел, сжав зубы, и с раздражением шурился на ослепительный диск солнца.

«Что же это делается, а?» – продолжил гадать Андрей. – «Это же уму непостижимо! Они же всё погубят. Ничто их не интересует, только деньги. Деньги, деньги, деньги. Деньги хозяину, деньги себе, опять хозяину и про себя не забыть.

А как же дело? А проект? С ума сошли, что ли?! Какой там проект?! Хватать надо, пока возможность есть, а потом уж разберёмся и с проектом, и с теми, кто сидит на этом проекте... Вот они и хапают, не теряя драгоценного времени», – вёл непрерывный диалог сам с собой Андрей, причём диалог этот он проговаривал внутри себя со все более нарастающим остервенением каждый день в течение последних двух месяцев и извёл себя бесплодными беседами этими до такой степени, что временами готов был лопнуть от злости на себя и на свою неудачливость, на окружающих его людей, бестолково тычущихся друг в друга, на весь этот мир, который вдруг начал, по мнению Андрея, вращаться в каком-то неправильном, почти идиотском направлении, подталкиваемый эмоциями, завистью, жадностью, разгоняемый страстями неопределёнными. И это для него было не то чтобы в новинку... О таких вещах, о том, что подобное случается, он и раньше читал и слышал, но увидел это воочию и, можно сказать, прочувствовал на себе совсем недавно.

Андрей открыл для себя это состояние мира всего лишь пару месяцев назад, и не потому, что он был монах-отшельник, живший в лесной глухомани, или не от мира сего, или, вообще, инопланетянин какой-нибудь. Нет. Просто человеку какое-то время везло – он занимался делом, которое ему нравилось и даже доставляло некоторое физическое удовольствие. За этим делом, как за стеной, он умудрился прятаться от кошмаров экономических экспериментов, проводимых вслепую, лет десять, не меньше. Он занимался одним проектом, который был кому-то нужен. Для чего – не ясно, но был нужен и поэтому имел стабильный приток денежных средств. Не большое, но стабильное финансирование, что позволило сотрудникам института вести размеренный, а по нынешним временам, можно сказать, беззаботный образ жизни.

В своё время проект этот долго согласовывался, пересогласовывался, разрабатывался, корректировался, дорабатывался – в общем, все, включая и Андрея, были заняты и на окружающий мир взирали искоса и с некоторым недоумением.

Но рано или поздно всё заканчивается: и плохое, и хорошее – всё, и этот момент завершения пришёлся на то время, когда всё уже было сделано, и требовалось лишь подписать заключительные бумаги, чтобы работа всего института вышла в свет, и при поддержке сверху получила бы широкое признание, что позволило бы сотрудникам института перейти на другой уровень финансирования, и которая открывала бы всем широкие возможности карьерного роста, получения более высокой зарплаты, признания не только внутри страны, но и вполне возможно за рубежом...

В общем, очень похоже на то как это бывало раньше... Когда? Очень и очень давно. Так давно, что и вспоминать не хочется.

Но так уж получилось (пути их – ну, тех самых, что обитают «наверху», неисповедимы для простых людей), что того, кто поддерживал проект сверху (это в учебниках пишут, что поддержки располагаются снизу, а в жизни, как всегда, всё наоборот – поддерживают сверху) убрали, заменив на другого, и тот, не теряя времени, прислал своих представителей в институт, с тем чтобы ознакомиться с состоянием дел.

Представители прибыли на дорогих автомобилях чёрного цвета и, быстро рассредоточившись по кабинетам, перевернули всё с ног на голову и закрыли проект. Потом они добрались до бюджета института, организовали ремонт в правом крыле здания и строительство левого крыла. Далее случилось то, что и должно было произойти – денежные средства, которыми располагал институт, утекли куда-то, и новое руководство приняло решение сократить расходы организации за счёт сотрудников и сдать часть помещений в аренду.

В общем, всё стало как у людей. Вот только Андрюша перестал узнавать свой, можно сказать родной, институт как снаружи, так и изнутри.

Снаружи здание очень быстро обставили со всех сторон строительными лесами. Разорванные листы целлофана и зеленая сетка надёжно скрыли фасад от любопытных взглядов спешащих мимо пешеходов. Шаткая и рахитичная конструкция из досок, сколоченных вкривь и вкось, поднималась под самую крышу, и, видимо, по причине своей ненадёжности, и хочется верить, что только по этой причине, но никто никогда не видел на ней рабочих. Хотя, знающие люди утверждали, что однажды там был замечен какой-то человек неопределённой национальности с ведром и мастерком, который весь день соскребал что-то со стены. Что он там нашёл – узнать не получилось, потому что гражданин исчез в этот же день вместе со своим ведром и больше не появлялся. Должно быть, ему стало смертельно скучно работать в одиночку.

Внутри тоже всё переменялось. Если раньше Андрей, проходя по коридорам, встречался, чуть ли не на каждом шагу, со своими коллегами, деловито снующими с пачками бумаг или сосредоточенно обсуждающими варианты решения какой-нибудь проблемы, то нынче обширные коридоры пугали своей тишиной и пустотой. В кабинетах царило уныние. Те, кого ещё не успели «сократить» или сам не уволился, сидели за своими столами и с отсутствующим видом, будто зомби, тарасились на экраны компьютеров, вяло собирая цветные квадратики или шарики, раскладывая нудные пасьянсы, или гоняли мячик в настольный теннис – в общем, убивали свое драгоценное время как могли.

Хотя, иногда случались необычные вспышки активности, когда кто-нибудь вдруг врвался в комнату и с заговорщицким видом начинал нашептывать на ухо первому попавшемуся сотруднику, как некто Борис Семенович или Семен Борисович...

– Какой еще Борис Семенович или Семен Борисович? – переспрашивают, не сразу уяснив о ком идет речь.

– Ну, тот из отдела «нелинейных решений»... Неужто не помнишь?

– А! Тот... Вспомнил, вспомнил, и что же этот пройдоха подыскал для себя?

– Ты знаешь, он очень удачно пристроился, насовсем уехав из страны, и там его приняли хорошо, и дали работу очень похожую на ту, которую он вёл здесь, и сейчас он и в ус не дует, хотя с рождения был лысый и бритый, как бильярдный шар.

– Да что ты говоришь?! Все-таки есть жизнь за пределами нашего мировоззрения... Ну?... И как он это сделал? – нервно притоптывая ножкой, требуют разъяснить детали.

Через полчаса, а иногда и того меньше, об этом уже знал весь институт. Все начинали активно бегать из комнаты в комнату, живо обсуждая услышанное. На какое-то время жизнь возвращалась в коридоры: хлопали двери, слышались возбуждённые голоса и быстрые шаги, эхом отдающиеся под высокими потолками, но затем кто-то выглядывал в окно, где за немытым стеклом торчали ржавые балки и неструганные доски строительных лесов, болтались кусочки целлофана и зеленой сетки, и как-то быстро начинал угасать.

Это состояние увядания, подобно инфекционному заболеванию, стремительно передавалось соседям, разговоры затихали сами собой, тишина возвращалась под институтские своды, и все с обреченным видом возвращались за свои столы, где привычными жестами разворачивали на экранах виртуальное поле боя и продолжали размещать квадратики или гасить разноцветные шарики.

Денег, чтобы продолжать работу, не осталось, да и предыдущая программа исследований теперешним руководством считалась ересью, а упорствующих в своих заблуждениях еретиков, как известно, принято изводить любыми доступными способами. Новая же программа находилась в непрерывном состоянии изменения, улучшения и сокращения.

От всего этого Андрей чуть было не заболел и не слёг в больницу. И было от чего. Все-таки привычная жизнь рушится не в результате стихийного бедствия: наводнения, землетрясения, извержения, цунами, ..., а по причине сверхъестественной жадности и наглости тех, кого и знать не знал, но от которых, почему-то, зависел.

Пару недель он бюллетенил под предлогом «острого респираторного заболевания», поскольку «хроническая хандра на почве регулярного недофинансирования» современной медициной в качестве диагноза не признается (это пока их такое не коснулось, но всему свое время), однако, кое-как оправился. Бледный и осунувшийся вернулся в родной институт, и принялся вести сам с собой тот бесконечный диалог о смысле жизни, о справедливости и скором возмездии, который сейчас звучал у него в голове на разные голоса, словно там собрался небольшой, но весьма оживленный митинг.

Поезд резко затормозил так, что пассажиров, столпившихся в проходе между сиденьями, вначале изо всех сил мотнуло в одну сторону, и все повалились друг на друга, а затем под дружные возмущённые крики в другую. Андрей, поднявшись со своего места, почувствовал, как пол уходит у него из-под ног, и завалился на своего соседа, который, по счастью, оказавшись человеком культурным и сдержанным, лишь поморщился от неудовольствия, но кивком головы дал понять, что принимает извинения. Андрей подхватил свои вещи и вывалился вместе с толпой из душного вагона.

Он пошёл по перрону, с наслаждением вдыхая воздух, сладкий от аромата трав, полевых цветов, который свежий ветерок приносил с окружающих полей. Толпа очень быстро редела, разбредаясь в разные стороны. Поезд ушёл, унося с собой остатки городской суеты, и вокруг опустилась такая тишина, что у Андрея в голове голоса, спорившие до хрипоты, разом замолчали, удивляясь тому, что такое спокойствие и умиротворение ещё возможно найти на этой планете. А всего лишь стоило проехать около часа на пригородной электричке.

Спустившись с перрона, Андрей нанял «частника», небритого типа с золотыми зубами через всю нижнюю челюсть, который всю дорогу молчал и неизвестно чему улыбался, пуская во все стороны золотых «зайчиков».

Машина гроыхала и подпрыгивала на неровной дороге, так что казалось, будто под капотом нет ни одной до конца закрученной гайки, и вот-вот развалится на мелкие части, но, к счастью, всё обошлось. По-видимому, эта модель допускала такое расслабленное состояние. Добравшись до оговоренного перекрёстка, Андрей расплатился с водителем, тот на прощанье оскалился и, сверкнув золотом коронок, резво развернулся и скрылся в облаке пыли.

Андрей спустился с дороги, но пройти привычным маршрутом, срезав угол через поле, как он всегда ходил, не получилось. Прямо под дорожной насыпью он обнаружил металлическую сетку, натянутую между врытых в землю железных труб, убежавших ровной цепочкой в обе стороны насколько хватал глаз. Трубы эти и сетка сразу же напомнили ему печальную картину разорения его института, что он имел удовольствие наблюдать каждый день из окна своей лаборатории. Тут и голоса в его голове сразу же оживились:

– Этого же не было в прошлый раз! – визгливо запричитал кто-то.

– Точно! Вон и тропинка виднеется, – уверенно заявил другой, – заросла, правда, бурьяном каким-то.

– Кого-то ловят, может быть... хотят в сеть загнать, – неуверенно пискнул третий голос. – А может, сволочь какая завелась...

– Не понял, – удивлённо пробормотал Андрей, – я же здесь всегда ходил... Как же это? Он потянул на себя сетку и отпустил. Проволока зазвенела и заколыхалась по всей длине. Трубы, заботливо выкрашенные черной краской, были глубоко врыты в землю и стояли крепко.

– И кому же это пришло в голову закрыть поле? – продолжил удивляться Андрей.

Но разбираться в чём тут дело не стал, а развернувшись, вернулся на дорогу и пошёл дальше, вокруг поля, что заняло минут на десять дольше.

«Трубы какие-то врыли, сетку натянули, а зачем?» – вяло думал Андрей. – «Можно было бы подлезть под сетку и пройти так, как всегда ходил... Но что-то не хочется. Нагибаться лень».

В безоблачном небе на головокружительной высоте порхали жаворонки, разбрасывая вокруг переливчатые трели, ветер шелестел в листве берез, опустивших тяжелые ветви к самой земле, над дорогой клубился разогретый воздух, с солидным жужжанием проносились мимо шмели, пахло травами. Голоса в его голове, поспорив и повозмущавшись еще немного по поводу непонятной изгороди, один за другим затихли, прислушиваясь к тому, как облака плывут в небе и тени скользят по полями, перекатываясь с холма на холм.

Дом здесь родители держали уж лет двадцать, а то и дольше. Места эти он знал с самого детства. Ничуть не хуже местных, хотя и принадлежал к той обширной группе людей, называемых здесь презрительно «городские». Исходил вдоль и поперёк все поля, излазил овраги, знал каждую тропку в лесах, каждый изгиб речушки, что скрываясь в тени раки, обвивала холмы. Знал все рыбные места. За грибами мог уйти на весь день и никогда не плутал. Любил он эти места за вольный размах, за свободу, за красоту. Весь городской сор, бестолковая суэта последних дней, душевная тяжесть и раздражение, незаметно, кусочек за кусочком, слетели прочь, как пух от дуновения ветра.

Андрей шёл, с удовольствием посматривал по сторонам, по-хозяйски отмечая небольшие изменения, произошедшие за последние месяцы, пока его не было: вон у дороги куст шиповника – как разросся за это лето!, а вон, на том берегу, кто-то дом уже поставил – слышно, как плотники стучат молотками под крышей; а вот тропинка, по которой все ходят купаться к реке – изогнулась немного влево, должно быть плотину восстановили, нужно будет спуститься, проверить; стожки по лугам поднялись – кто-то из деревни сено заготовил... Кажется, всё на месте, всё как всегда, только эти трубы с сеткой каким-то неживым углом врезаются в это нежное спокойствие.

«Кто же это мог?... А, наплевать», – Андрей свернул с дороги, на тропинку, ведущую к дому.

Родители с нетерпением ждали сына. Восторженно встретили дорого гостя у ворот, обняли, расцеловали, внимательно осмотрели со всех сторон – не похудел ли мальчик, не побледнел ли, не болен ли.

– Отец, отец, гляди, как похудел и побледнел-то. Ох, батюшки! Что же это делается?! – причитала мать, озабоченно заглядывая Андрею в глаза. Андрей улыбался. Ну, похудел, ну, побледнел. Так что же? Всякое случается там – в бесконечно далёком городе, а здесь так хорошо, так спокойно. Поправимся... Отъедемся, отоспимся...

Сына проводили до веранды и сразу же усадили за стол. Мать расставила чашки, разлила чай и, разложив специально испеченные по этому случаю пироги, принялась делиться новостями. А вот у этих за это время произошло то-то и то-то, а у тех собака попала под машину, у Крынкиных на яблони напала тля, так еле отбились, опрыскивали дня два, а в деревне дом сгорел – пожарные приехали только когда крыша рухнула, Ванька всё на речку бегают, шук таскает, а к Маньке новый ухажёр повадился ходить, и так далее...

Мухи жужжали под занавесками, на веранде было прохладно и спокойно, размеренно тикали часы.

– А что это там за столбы понатыкали вокруг нижнего поля? – неожиданно спросил Андрей.

– У какого? – не поняла мать.

– Да то, что у дороги.

– Ах, это, – небрежно махнула рукой мать. – Так его купили.

– Кто? – насторожился Андрей. Голоса внутри него подозрительно зашептались, готовясь выскочить хором.

– Да какой-то «деловой» или банкир, или что-то в этом роде. Для дочки своей. Лошадей будут разводить.

– Что, все поле?

– Да. Уж и дом поставили. Там наверху, у леса. Ух, и быстро строили. Говорят, по какой-то канадской технологии. Фундамент залили, сразу же стены подняли, под крышу подвели. А помнишь, сколько мы мучились. Тогда ни досок, ни кирпича нельзя было достать, а сейчас – раз и дом стоит.

– Да, здорово... – вяло согласился Андрей. – Неужели всё поле купил?

– Всё, всё, – отец тяжело поднялся из-за стола. Было видно, что этот разговор ему не нравился, беспокоил. – Мало того, местный председатель колхоза... Новый председатель. Молодой. Старый-то ушёл на пенсию. А этот ловкий, но тоже любит это, – отец чиркнул пальцами по шее. – Пьянчужка, в общем. Так ты видел его, наверное. Тот, что на «газике» по дорогам, как сумасшедший, носится...

Андрей неуверенно кивнул, не очень представляя о ком идёт речь.

– Так этот председатель все пахотные земли распродаёт по дешёвке...

– Он и собаку соседскую переехал, – перебила мать.

– Да подожди ты со своей собакой, – нахмурился отец. – Тут о другом разговор. А те, у кого деньги имеются, эти земли у него с радостью и покупают. Люди неглупые, знают, что земля-то никогда не дешевет. Лошадей, говорят, будут разводить.

– А коровы-то куда делись? – поинтересовался Андрей. – Здесь же ещё тем летом целое стадо ходило.

– А нет коров, – отец развёл руками. – Закончились этой зимой. Все до последней. Под нож пустили. На мясо. Вот, лошади теперь будут.

Андрей насупился. Какой-то противный голосок внутри него начал зудеть:

«Что же это такое? Каких ещё лошадей? За каким лешим сдались они?..»

– Да что мы все говорим да говорим, – подхватила мать. – Нам-то что до этих коров. Наши что ли? Чужое имущество перебирать, да чужие деньги считать – грех большой. Ты, Андрюша, ешь. Пирожки свежие. А ты, отец, иди. Нечего баламутить. Иди, новости, что ли, свои посмотри. От телевизора теперь не оттащишь... Что ты со своими коровами пристал к нему? Посмотри, какой он худенький, будто пахали на нем. Работы, наверное, много... – мать сочувственно взглянула на сына.

Андрей грустно усмехнулся. Какая там работа. Одна суета.

– Покушаешь и пойди, отдохни, – наставляла мать, пододвинув ему поближе вазочку с вареньем. – Поспи немного. Или, если хочешь, сходи за грибами. Крынкины вчера ходили, так целую корзину белых принесли.

– А где ходили-то? – оживился Андрей. Напряжение от того, что сказал отец, сошло сразу. И правду, что нам до их коров и лошадей – у нас своих проблем хватает.

– По просекам. В глубине грибов пока нет, а по просекам пошли, и корзинку набрали. Сходи. Пожарим к ужину.

– А и правду, давай-ка схожу, – Андрей поднялся из-за стола. – Посплю ночью, как все люди.

Мать улыбнулась, но продолжала внимательно следить за сыном. Вроде всё на месте: жив, здоров, немного исхудал, но это поправимо, однако что-то в нем не так – какой-то задумчивый, даже вялый. Наверное, на работе проблемы.

«Спрашивать пока не буду. Захочет – сам расскажет», – благоразумно решила она. – «Всё равно помочь ему ничем не сможем. Эх...» – мать махнула рукой, отгоняя навязчивую муху от пирогов, встала и принялась убирать со стола.

Андрей быстро переоделся в простую, свободную одежду, на ноги одел разношенные кроссовки, взял корзину, на дно бросил нож. Проходя по дому, заглянул в одну из комнат. Отец сидел на диване и смотрел телевизор.

– Ну, что там? – лениво поинтересовался Андрей.

– Стреляют, – отец устало махнул рукой в сторону экрана. – Пуляют, пуляют... А что пуляют и сами не знают.

– Ну ладно. Я пошёл.

– Иди вдоль просеки, – напутствовал он. – Вглубь не ходи. Грибов там нет. Рано ещё.

Андрей вышел на улицу. Проходя мимо дворов, он с интересом заглядывал внутрь, но шага при этом не сбавлял. Если кого примечал из знакомых – бодро выкрикивал:

«Доброго здоровьечка!» – и шёл дальше.

Улица дачного посёлка выходила прямо в поле. За последним домом она сужалась до тропинки, что, изогнувшись, упиралась, как в стену, в густые заросли орешника, скрывалась в лёгком зеленоватом сумраке, царящем под лесными сводами, и уползала дальше, плутая среди деревьев. Если следовать по этой тропинке и потом на развилке свернуть налево, то можно выйти к большим просекам, где по слухам появились белые грибы.

Андрей шёл, с наслаждением вдыхая влажный воздух, поднимающийся от земли. Прислушиваясь к лесным звукам, смотрел как косые солнечные лучи, пронзая листву, рисовали на земле золотистые пятна света, а внутри него, будто зажата до отказа пружина начала ослабевать и распрямляться, подбрасывая разные мысли, которые закружились в его голове, переключаясь на разные голоса, рассуждали и спорили.

– Разломали всё до основания, от института камня на камне не оставили. Как в песне: до основания, а затем?

Над головой среди ветвей какая-то птица проводила шагающего внизу человека такой заливистой трелью, что Андрей остановился и, задрав голову, взглядом попытался отыскать невидимую певунью.

– Как мелодично, будто по нотам, – восхищённо прошептал Андрей.

– А что затем-то? Мы новый мир построим? Кому он нужен такой мир? – продолжил нападать какой-то визгливый, затравленный голос.

– Кому-то нужен... – вяло защищался Андрей от самого себя и зашагал дальше, – не может быть, что никому не был нужен.

– Кому-то нужен, но ты лишний, – проскрипел другой голос.

– А может – обойдется? Всё опять наладится? – Андрей шёл, рассеянно смотрел себе под ноги. Пробежав взглядом по кустам, он палкой поднял ветви, в траве ничего не было. Слишком близко к исхоженным местам, нужно пройти подальше.

– Наладится, но не завтра и не через год. Ты тогда точно никому не будешь нужен. Поезд без тебя уйдёт. Работа твоя устареет, знания станут не нужны, и ... прощай, дорогой товарищ, да и лет тебе будет, как тому пню...

– А что тогда, после этого прощай? – прошептал Андрей.

Не получив вразумительного ответа ни от хриплого, ни от писклявого голоса, он нагнулся и, заглянув сквозь листву, сразу заметил три коричневых бугорка, высовывающиеся из спу-

танной травы. Голоса настороженно замолчали, мысли, будто подхваченный вихрем сор, унеслись прочь, голова очистилась, он сосредоточился на найденных грибах.

«Вот они! Попались, голубчики...» – с удовлетворением подумал Андрей, взглядом пробежал вокруг, пошевелил траву палкой и нашёл ещё два гриба. Крепкие, с толстой, расширяющейся к низу ножкой, с ровной плотной шляпкой. Нагнувшись, он разгрёб сухую листву, аккуратно срезал каждый гриб под самый корень и заботливо присыпал обнажённую грибницу землёй.

Поднял и внимательно осмотрел со всех сторон.

«Хороши! Крепенькие какие! Ещё бы несколько штук таких найти и к ужину хватит. С картошечкой пожарим, с лучком».

Обернувшись, он внимательно посмотрел вокруг себя – может ещё кто-то прячется в траве, но ничего не нашёл и пошёл дальше, помахивая палкой.

Шагах в двадцати от того места ему попалось целое семейство – штук восемь. Потом были другие. Через час он набрал почти полную корзину и весьма довольный собой решил вернуться. Приятно потяжелевшую корзину он бережно нес, то в одной, то в другой руке, продолжая, однако, посматривать по сторонам. Не так внимательно как раньше, но, всё же, с надеждой «выловить» ещё один-два гриба.

Голова очистилась, все мысли были о том, как родители обрадуются и удивятся, увидев сколько грибов он нашёл, как мать побежит к Крынкиным рассказывать, а вечером они пожарят грибы, вынесут стол в сад и будут ужинать на открытом воздухе, под звездным небом.

Андрей вышел из леса немного в стороне от того места, где тропинка ныряла в орешник и решил пройти к дому напрямик через поле.

Теплый ветер скользил над землёй, трава шелестела под ногами, невидимый жаворонок заливался высоко, высоко в небе. Андрей, прикрыв ладонью глаза от солнца, попытался взглядом отыскать крохотную голосистую птичку. За спиной у него послышались ритмичные сухие удары «Стук, стук..., стук, стук...», будто кто-то бил молотком по бревну, звук усиливался и быстро приближался. Андрей опустил руку и, обернувшись, увидел как прямо на него несётся лошадь.

Всё, что потом с ним произошло, Андрей воспринимал так, словно перед его глазами прокручивали замедленное кино, хотя на самом деле прошло не более одной-двух секунд.

Откровенно говоря, увидев несущуюся на него галопом лошадь, он растерялся настолько, что замер, как вкопанный, не зная как поступить в такой ситуации: то ли бежать нужно, то ли упасть на землю ничком или подпрыгнуть повыше, чтобы улететь подальше.

Если бы это происходило в городе и на него мчался автомобиль, то он особенно не задумываясь уступил бы дорогу, прыгнув на спасительный тротуар, где чувствовал бы за собой право поступать в дальнейшем как ему заблагорассудится, конечно в рамках допустимых приличий, но здесь было поле. Ровное поле. Направо, налево, спереди и сзади – всюду поле. Беги куда хочешь. Скачи куда нравится. Во всех направлениях ровная, одинаковая земля. Зачем же скакать прямо на человека? Зачем скакать прямо на него? Почему не свернуть в сторону? Места, что ли, мало? Может быть, лошадь взбесилась? Быки ведь нападают на людей, почему лошади не могут?

Мысли бешеным хороводом носились в голове Андрея, но ни одну из них поймать не получалось, и пока он безуспешно пытался сообразить, что же делать, лошадь со всего размаха налетела на него. Перед глазами промелькнула оскаленная морда с дико вращающимися глазами, судорожно раздувающиеся ноздри, на губах пена, грива развивается по ветру, а в седле всадник. Точнее сказать – всадница, в бордовой жокейской кепи с длинным козырьком, из-под которой на Андрея в упор смотрели колючие и злые глаза. Пригнувшись к лошадиной шее, она что-то кричала ему прямо в лицо, но разобрать слов Андрей не мог. Слова не доходили до

его сознания, все чувства будто отключились, он только видел открытый рот и горящие глаза. Потом, вдруг, словно в его голове открылось окно, и звуки мощным потоком хлынули в мозг:

– Пошёл! Пошёл! Пошёл прочь! Прочь с дороги! – наездница взмахнула хлыстом, словно собиралась стегнуть опешившего Андрея, он инстинктивно отшатнулся, сделал неловкий шаг назад, ноги его запутались в траве, и он упал на спину, выронив корзину. Грибы рассыпались в траве.

Обдав жарким, потным духом, лошадь пронеслась мимо него, как вихрь. Из-под копыт взлетели комья вывороченной земли. Наездница, пригнувшись к гриве, приподнялась на стременах, и всё время хлестала лошадь по бокам. Она ловко свернула вначале в одну сторону, потом вильнула в другую и скрылась из виду за гребнем холма, через несколько секунд появилась на противоположном склоне и поскакала в сторону того самого нижнего поля, через которое Андрей не смог пройти сегодня утром.

– Лыжню, что ли, уступить? – растерянно пролепетал Андрей, сидя на земле, среди рассыпанных грибов, перевернутая корзина валялась у его ног.

– Это что же такое, а? – забормотал он, провожая взглядом удаляющуюся всадницу. – Это как же?

Противоречивые голоса, которые Андрей иногда слышал в своей голове, и которые, расслабившись, задремали было за то славное время, пока он собирал грибы, сейчас подпрыгнули и завопили, как бешенные, отчаянно споря друг с другом.

– А вот так же! – кто-то отвратительно взвизгнул, передразнивая. – Пошёл вон – вот что это значит! Тебе же откровенно сказали, что нужно делать.

– Но куда же?! – обиженно оттопырив губу, зашептал Андрей.

– А куда хочешь! – издевался голос в его голове. – Работы у тебя теперь нет и здесь тоже тебе места нет!

– Это почему же? – шептал Андрей, уставившись на корзину, по краю которой уже побежали черные мураши, привлеченные грибным запахом.

– Ты что идиот? – спросил его другой, басовитый голос. – Прикидываешься или в самом деле не понимаешь?

Андрей смотрел на рассыпанные вокруг грибы и молчал. От удара о землю у некоторых грибов оторвались шляпки, другие остались невредимыми.

– Понимаю. Не дурак, всё-таки. Деньги...

– Ну, раз понимаешь, то и слава Богу, – пробубнил солидный голос. – Тот дядя, кто купил нижнее поле для дочки своей, которую ты только что имел удовольствие лицезреть, скорее всего, выкупил и это. Вот только заборчиком обнести не успели.

– А не жирно ему будет? – ехидно спросил вредный писклявый голосок, что, судя по всему, всегда находился в оппозиции.

– Нет. Не жирно. Но если он даже не купил его сейчас, то, скорее всего, присмотрел для следующей покупки, потому что оно, это поле, у леса. Вот его дочка и носится здесь, как ошпаренная. Хозяйка новая. Владычица.

– А как же мы? Как же я? – Андрей растеряно оглянулся по сторонам. – Я же здесь всю жизнь ходил и никому не мешал, а сейчас... Нате вам, пошёл вон! И куда пошёл?

– Это моя земля! – вдруг хрипло каркнул он пересохшим горлом, в ту сторону, куда ускакала наездница.

– Какая она твоя?! – взорвался внутри него голос-оппозиционер. – Ты привык здесь ходить, но земля не твоя и никогда твоей не была, и, судя по всему, не будет. Понял?!

Андрей с досады плюнул и попал в пролетающего мимо шмеля, от чего тот перевернулся в воздухе и, потеряв ориентацию, со всего размаху влетел в траву, и повис там, на листочке, обиженно жужжа. Андрей поднялся на ноги, подобрал рассыпавшиеся грибы и поплёлся своей

дорогой. На душе у него было так тяжело, что ноги подгибались, и корзина казалась неподъёмной.

Кое-как доковыляв до дома, он отдал матери грибы, а сам ушёл в дом и заперся в своей комнате. Рухнул на диван и провалялся там, не поднимаясь, до самого вечера. К ужину, однако, он встал. Из комнаты вышел весь помятый, чувствовал себя уставшим и разбитым.

Как Андрей и предполагал, стол накрыли в саду, под старыми яблонями. Под тяжестью плодов деревья опустили ветви к самой земле, и, чтобы ветви не сломались, отец подставил под них специально подготовленные рогаины.

Алый диск клонящегося к горизонту солнца просвечивал сквозь листву. На стол выставили жаркое, из холодильника закуски и запотевшую бутылку.

Андрей вяло ковырял вилок рассыпчатую картошку, подцепив на вилку гриб долго, но безо всякого интереса, рассматривал его со всех сторон, прежде чем положить в рот. Вдруг в небо взлетели три яркие ракеты и с громким хлопком рассыпались на множество разноцветных звёздочек. Следом ещё три, а потом ещё и ещё...

– Во дают... – равнодушно прокомментировал отец, не поднимая головы от тарелки. – И так каждый выходной.

– Люди жизни радуются. Красиво-же... – мать суежилась вокруг стола, выставляя новые закуски.

– А где это? – уныло поинтересовался Андрей.

– Да у миллионера дочка развлекается.

– У какого миллионера? – вначале не понял Андрей.

– Да у того, кто поле купил и лошадей собирает разводиться.

Андрей замолчал, насупившись, а в небо продолжали взлетать всё новые и новые ракеты. Есть что-то совсем не хотелось. Посидев ещё, для вида, несколько минут, он поднялся из-за стола.

– Ты что, есть не будешь? – забеспокоилась мать.

– Нет, что-то не хочется. Пойду, прогуляюсь. Подышу немного.

Мать только и развела руками, печальным взглядом проводив сына, обратилась к отцу:

– Ну, что это такое? Не поужинав, куда-то сорвался, а? Что молчишь-то?

Отец с досады лишь «крякнул» и, раздражённо махнув рукой, направился в дом, а над головой в темнеющее небо взлетели новые ракеты.

Андрей вышел за калитку и в сумерках пошел по улице. Из открытых окон доносился звон расставляемой посуды, обрывки музыки, голоса, на верандах зажгли свет, в беседках собирались компании, шутили, смеялись, задымились мангалы, а в одном дворе он увидел, как на большой треноге подвешивают казан.

«Крынкины плов, должно быть, собираются готовить», – равнодушно подумал он и зашагал дальше.

Выйдя в поле, Андрей остановился и посмотрел на небо. С той стороны, где солнце село, всё ещё виднелась светлая полоса, неровно срезанная снизу тёмными верхушками деревьев, а с противоположной стороны на ночное темное небо выползала огромная красная луна, и звёзды, будто испугавшись этого соседства, загорались лишь на середине небосвода. Воздух стал прохладен и свеж, туман пополз над полями. Андрей отмахнулся от надоедливого комара, что зудел у него над ухом, и пошёл через поле туда, где в темное небо взлетали ракеты фейерверка. Роса опустилась на траву, и через несколько шагов он почувствовал, что ноги его промокли.

«Не вернуться ли?..» – нерешительно подумал он, но что-то притягивало его к тому месту, куда ускакала дневная наездница.

Чувство это было неопределённое и во многом противоречивое: с одной стороны, он понимал, что делать ему там абсолютно нечего, и кроме неприятностей ничего он там не най-

дёт, но, с другой стороны, ему было до крайности любопытно – кто же это такие, что они о себе такое выдумали, что и пройти нигде нельзя без того, чтобы тебя не окрикнули и не обругали.

Шёл он осторожно, опустив голову. В сгущающемся мраке высматривал куда лучше наступить и чуть не наткнулся на сетку, растянутую на металлических столбах через все поле, такую же, как та, что была натянута внизу, у дороги. Дальше пройти не представлялось возможным. Уцепившись руками за сетку, он вытянул шею, встал на цыпочки и начал рассматривать большой дом, расположенный метрах в двухстах, от того места, где он остановился. Почти в каждом окне горел свет. Тени мелькали за занавесками. Слышалась музыка. Перед входом в ряд стояли три больших лимузина, падавший из окон свет отражался на их лакированных боках. Вдруг дверь на крыльцо распахнулась, и во двор из дома выкатилась многочисленная шумная компания. Выкрикивая что-то неразборчивое, пританцовывая, визжа и хохоча, они обошли дом и скрылись за углом, откуда немедленно в ночное небо взлетели несколько ракет. Андрей проследил за ними взглядом.

«Новые хозяева, что ли?» – мрачно подумал он – «Похоже, что так. Гуляют... Хозяева новой жизни, а ты пошёл вон. Прочь с дороги. Вот и заборчик поставили, чтобы ты, дурак, не ходил куда не просят. Пир во время чумы – точнее и не скажешь».

Повисев ещё немного на сетке, как мартышка на заборе, он тяжело вздохнул и сполз на землю.

«Вот жизнь, как сажа. Как-то навалилось всё сразу и там, и тут», – Андрей отвернулся, втянул голову в плечи и побрёл прочь, на этот раз не обращая ни малейшего внимания на мокрые ноги.

Погостив у родителей ещё денек, Андрей вернулся в город. С утра приехал в институт и к своему удивлению обнаружил, что мертвые коридоры наполнились странной жизнью и кишели какими-то маленькими людьми с чёрными прямыми волосами и раскосыми глазами над высокими скулами, бегавшими, как заводные, из комнаты в комнату, перетаскивая на себе тюки, обмотанные целлофаном.

– Это что ж такое? – растерянно спросил он проходящего мимо Леонида Самуиловича, заведующего одной из кафедр. – Откуда эти китайцы здесь объявились.

– Это не китайцы. Это вьетнамцы, – со знанием дела поправил его эрудированный Леонид Самуилович. – Китайцы – они и ростом выше, и крепче будут, особенно те, что проживают в северных провинциях, в таких, как Уйгурский автономный район...

– Хорошо, пусть будут вьетнамцы, но откуда их столько?

– Оттуда... – Леонид Самуилович неопределённо махнул рукой в сторону. – Здание института купил один банк и, не мешкая особенно, сдал его в аренду какой-то коммерческой организации. Вот, теперь можешь вблизи любоваться и изучать новых коммерсантов. Редкая возможность, поверь мне.

Андрей с удивлением взглянул на заведующего кафедрой. Леонид Самуилович грустно улыбался.

– И не надо лететь за тысячи километров. Вот они. Говорят, у них ещё и кухня своеобразная. Балтийскую селёдку слабого посла любят жарить.

Леонид Самуилович замолчал, и они с Андреем задумчиво наблюдали за тем, как энергичные человечки перетасовывают свой товар.

– А я Андрюша... – Леонид Самуилович замешкался, подбирая слова. – Уезжаю я, Андрюша.

– И вы тоже? – уныло спросил Андрей, не поворачивая головы.

– Да. Там, вроде, и работу предлагают. А здесь...

– А здесь – «пошёл прочь с дороги»...

Леонид Самуилович с удивлением взглянул на Андрея:

– Да. Так и есть – пошли вон. Здание-то купили, а про сам институт даже не вспомнили. Получается, что лишние мы здесь.

– Получается что так.

– Ты вот что, Андрей... – Леонид Самуилович дотронулся до его рукава. – Держись здесь. Если у меня все наладится там, я тебя постараюсь вытащить. Хорошие специалисты – большая редкость, везде нужны.

– Здесь только они никому не нужны, – возразил Андрей и печально поджал губы. – Удачи вам, Леонид Самуилович. Спасибо... за заботу и не забывайте... – Андрей повернулся и побрел к себе.

В кабинете он сел у окна и, подперев ладонью подбородок, стал смотреть как ветер треплет лоскуты целлофана и зелёных сетей, развешанных на кривых досках строительных лесов. Вдруг дверь распахнулась, и в комнату ворвался запыхавшийся его приятель, Борька, и прямо с порога, не переводя дыхания, выпалил:

– Андрюха! Работа есть!

– Какая? – насторожился Андрей.

– Этих видел? – Борис прищурился и пальцами растянул веки. Андрей кивнул головой. – Им продавцы нужны. Сами-то они по-русски говорят с трудом, а торговать надо. На рынке места у них есть...

Андрей побледнел, встал и молча вышел из комнаты.

На следующий день, рано утром он собрал вещи и вернулся к родителям на дачу.

Родители, обеспокоенные таким неожиданным визитом, весь день не давали ему прохода, терзая вопросами что да как, да почему. Андрей терпел, терпел, отговаривался, выкручивался, как мог, но, чувствуя, что отступить уж более некуда, сознался и с мрачным видом объяснил: институт закрыли, а здание отдали вьетнамцам под склад риса, после чего родители немедленно успокоились.

– Мы-то думали у тебя что-нибудь со здоровьем... А это, – отец небрежно махнул рукой. – Образуется. Время все исправит и всё расставит по своим местам. Ух, и напугал же ты нас. Погостишь здесь недельку другую, отдохнёшь. Походишь в лес, на рыбалку, а там видно будет. Вот увидишь – всё образуется, – повторил он.

Мать сочувственно погладила сына по плечу. Андрей вздохнул и немного успокоился. Родителям с высоты их прожитых лет, наверное, виднее что важнее, а что «образуется», потому что суеты в их жизни тоже хватало, а время идёт и всё проходит, всё меняется, как снаружи, так и внутри.

То, что казалось вначале ужасным, чуть ли не катастрофой, угловатым и цепким, с течением лет, как будто стирается, принимает более мягкие очертания, расплывчатые формы и даже начинает казаться комичным. Кто может точно сказать, когда закончится один этап в жизни, и как это будет выглядеть, и где начнётся то, что принято называть «новой жизнью»? Конечно, хочется, чтобы всё шло гладко, без срывов и обвалов, но такое разве бывает? Этого почти никогда не бывает и остается необыкновенной редкостью, необыкновенным исключением из общепринятого правила.

Но, несмотря на все эти философские рассуждения и осознание того, что «всё течёт, всё меняется», на душе у Андрея продолжала висеть тяжёлая черная туча, от чего под этим августовским ясным небом краски дня показались ему блёклыми и смазанными.

«Работу жалко, столько усилий было затрачено, столько изучено нового, столько всего пришлось пережить и всё напрасно, всё впустую. Не дали закончить, сволочи. Время-то лечит, но и все тропки засыпает так, что обратно дорогу не найдёшь, столько песку навалит сверху, столько листвы натащит и не разберешь уж откуда пришёл. Придётся идти дальше... А куда? Куда идти-то? Куда пробираться? Все кинулись в разные стороны, кто во что горазд. Вон, и Леонид Самуилович уехал. Обещал не забывать... Да кто ж о таких, как я, вспоминает? Сейчас

приедет, обустроится, жизнь и потекла своим чередом, а там и деньги придут, и все такое прочее. И надеяться не стоит, что о тебе вспомнят. Живой труп, можно сказать. Что делать-то, а?»

Дня два он не выходил со двора. Всё строгал, да пилил, помогая по хозяйству, а на третий день, прослышав, что Крынкины опять натаскали белых грибов, взял корзину и пошёл в лес.

Ходил, бродил под тенистыми лесными сводами, разговаривал сам с собой и с голосами своими, спорил, доказывал и, в конце концов, не придя к какому-нибудь решению, устал и замолчал.

Ближе к вечеру он вышел из лесу. В корзине грибов было выше, чем край, насыпано с горкой. Вышел он почти там же, где в прошлый раз, и опять пошёл через поле, тяжело ступая по высокой траве, то и дело, перекладывая корзину из одной руки в другую. Вдруг сзади послышался уже знакомый ему звук, будто кто-то ритмично бил молотком по бревну. Звук приближался. Андрей обернулся. Лошадь неслась прямо на него, точно так же, как в тот злополучный день.

И что на него нашло, и какая мысль промелькнула в его голове – неизвестно, но Андрей сделал осторожный шаг в сторону, словно хотел попробовать на прочность землю, прежде чем перейти болото, попавшееся ему на пути, где вся почва неустойчивая, зыбкая и страшно раскачивается под ногами. Куда бы и ходить не следовало вовсе, но раз уж попал, то придётся выбираться – иначе засосёт и следов не останется. Можно было бы и вернуться, но возвращаться некуда...

Оглянувшись, он заметил небольшое углубление в земле, наступил в него и присел на корточки, поставив корзину рядом. Трава, что росла вокруг, скрыла его с головой. Там он и затаился, прислушиваясь к биению сердца и к приближающимся ударам копыт о землю.

Стук-стук, стук-стук. Ближе. Ещё ближе...

И тут он как выпрыгнет из своего укрытия, размахивая руками, и как заорёт во все горло, выпучив для ещё большего страха глаза. Не ожидавшая ничего лошадь, увидев перед собой выскочившее вдруг неизвестно откуда, почти что прямо из под земли, бешено орущее существо, резко остановилась, присев на задние ноги, и взвилась на дыбы, стала выше Андрея на целый человеческий рост, отчаянно забила в воздухе передними ногами и громко захрипела, вращая дикими от страх глазами.

Видела ли девушка куда спрятался Андрей и специально направила туда лошадь, чтобы проучить в очередной раз наглого и упрямого грибника, или не видела – неизвестно.

После того, как лошадь взвилась на дыбы, поводья наездница не удержала. Прижавшись к лошадиной шее, она судорожно пыталась ухватить болтающийся во все стороны кожаный ремешок, но лошадь, ударив землю передними ногами, вдруг злобно лягнула воздух, подбросив девицу в седле так, что одна нога её выскочила из стремени, потом опять поднялась на дыбы, наездница не удержалась в седле, перевалилась на одну сторону, сильно ударившись о землю, и тут лошадь понесла изо всех сил. Одна нога девушки запуталась в стремени, и лошадь волокла её по земле, сворачивая то в одну сторону, то в другую. Она пыталась освободиться, старалась дотянуться до ремня, но лошадь гнала вперёд все сильнее и сильнее, пока они не скрылись в лесу, в густых зарослях орешника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.